

Алексей Александрович Олейников
Пламя изменений
Серия «Дженни Далфин и Скрытые Земли», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14805392

Олейников, Алексей Александрович. Пламя изменений. Кн. 7 : [роман]: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-83990-2

Аннотация

Она проснулась, когда начался конец света. Одна, посреди леса, в корнях белого дуба. Кто она? Откуда? Как здесь оказалась? Почему ничего не помнит?! Даже свое имя – Джейн – девушка придумала сама... Теперь Джейн и ее похожий на кота зверь идут сквозь пустые городки и деревни, оставленные жителями. А вокруг рыщут чудовища, которых не может существовать в природе. По радио говорят о катастрофах, атаках террористов, восстаниях, лагерях беженцев. Локальные стычки грозят превратиться в мировую войну. Кажется, пламя вот-вот охватит всю планету. И Джейн, настоящее имя которой Дженни Далфин, единственная, кто способен этому помешать. Правда, для этого ей нужно вспомнить себя... а она совсем не хочет этого делать.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	14
Глава пятая	19
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	40
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Олейников

Пламя изменений. Книга 7

© Олейников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Велика сила людей Магуса, и велика их болезнь. В каждом из них дремлет она и может пробудиться, болезнь эта – обратная сторона их силы. Они способны поднимать горы, но за то их ждет пропасть, которую они создают себе сами.

Имя этой болезни – чудодейство. Три симптома есть у чудодейства, и следует их знать.

Симптом первый – незнание своих пределов. Болезнь коварна, она овладевает больным постепенно, исподволь подтачивая силу воли, лишая самоконтроля. Малая просьба влечет за собой большую, а та – еще большую, и так больной вовлекается в круговорот просьб, бессмысленный и неосознаваемый, потому что различить свой предел мешает симптом второй – эйфория.

Известно, что исполнение просьб приятно, это тонкое удовольствие, которое, однако, сильнее, чем страсть к любому наркотику. Наркотики лишь одурманивают на время, а просьбы создают ощущение собственной значимости и даруют осознание, что ты на своем месте и жизнь твоя имеет смысл. Ты живешь не зря. Просьбы дают нам ощущение обретенного смысла жизни, а ради этого чувства человек готов пойти и за грань смерти. Но ощущение это обманчиво, оно исчезает, как туман под лучами солнца, и тогда больной просит еще, и еще, и еще, пока не переходит грань разумной оплаты. Долги накапливаются. Но природа этой болезни коварна, она расставляет ловушки и заманивает в сети. Если больной, будучи на краю чудодейства, попросит мало, то его немедля настигнет расплата – тяжелая, часто почти смертельная, но при этом спасительная. Ибо, пройдя сквозь горнило оплаты, больной выздоравливает. Но если он попросит много больше того, что способен оплатить, возврата уже нет. Больной сваливается в пропасть чудодейства, в бездну, дно которой – смерть. Но перед тем как закончить свою жизнь, он совершит столько безумств, сколько сможет. Он становится зрачком урагана, рукотворной бурей, он будет жить в хаосе бесконечных, все возрастающих просьб, потому что платежи можно отсрочить, только если просить дальше без остановки.

Симптом третий и последний – утрата здравого рассудка. Разум, одурманенный эйфорией круговорота просьб, становится неспособен контролировать собственные способности, и человек Договора, впавший в чудодейство, превращается в машину желаний, которая живет ради того, чтобы просить. В этом состоянии больной полностью утрачивает возможность вернуться в нормальное состояние и подлежит немедленной изоляции в Замке Печали.

Лекарь, ради блага всего живого, накрепко затверди эти симптомы! Долг каждого из нас – остановить чудодея, пока он не разрушил все вокруг себя.

Выдержки из наставлений мастера Абберозта

Глава первая

Она открыла глаза. Корни, земля. Много земли. Куда ее занесло?

Девушка попыталась встать.

– Ой!

Лоб болел. Корни чертовы.

«Где я?»

Девушка дернулась, в глазах от боли заплескали белые мухи. Волосы! Перепутались с корнями, намертво, натянулись сотнями струн.

Что же делать?!

Нужны ножницы, нож, пила – что угодно, иначе придется рвать по волоску. Это надолго.

Пальцы нащупали рюкзачок, она подтянула его, запустила руку внутрь... Есть! Перочинный нож, швейцарский. В нем есть даже ножнички! Она поковырялась несколько минут, потом убрала ножнички и открыла самое большое лезвие. Нет уж, резать так резать.

Волосы звенели как хрусталь и дрожали, пока она их пилила, лопались один за другим, и она чувствовала себя все легче и легче. Вот лопнул последний, голова поплыла вверх как воздушный шар, и вся она словно приподнялась над землей.

И уперлась в низкий черный свод. Дергаясь как гусеница, поползла наружу. Наружу – это туда, где свет. Как неудобно, что ее засунули головой вперед.

«Кто засунул?! Как я сюда попала?!»

Вспышка, воспоминание: карие глаза, упрямая линия губ, черные волосы.

Этот парень принес ее сюда, спрятал под корнями белого дуба, чтобы она... Что она должна... Что за глупости, кто так обращается с девушками?! Похоронить решил? Так она жива и когда доберется до него – кто бы он ни был, – он узнает...

Девушка застыла. Кто-то ощутимо дергал ее за штанину и рычал.

«Волк? Лиса? Рысь?! – девушка запаниковала. – Я заняла нору этой твари, и она очень недовольна? Этот идиот не мог проверить, обитаема нора или нет, прежде чем меня сюда засовывать? Кто вообще засовывает девушек в норы! Маньяк чертов! А вдруг это барсук? Бешеный барсук?!»

Девушка с ужасом задергалась, со страху оторвала корень – отбиваться от неведомого зверя, вдохнула поглубже и поползла на свет.

Солнце ослепило, она откатилась в сторону и замахала палкой:

– Отвали от меня, барсук! Я невкусная!

Ее не ели. Даже не кусали.

Девушка приоткрыла глаза, заорала и закрыла. Слезы катились градом. Как же свет режет!

– Черт! – она привалилась к дереву. Даже не разглядела, что за тварь ее тащила. А вдруг она сейчас раздумывает, с чего бы начать – с руки, ноги или филейной части?

Справа удивленно заворчали.

Девушка выбросила руку, целясь на звук, и с радостью услышала обиженный визг.

– Проваливай в нору, я ее освободила!

Ворчание перемещалось. Тварь явно не собиралась заселяться. Ходила кругами.

«Точно барсук, они хозяйственные. Хочет меня на зимние припасы пустить!» Девушка оперлась на палку, с трудом встала. Прислонилась к дереву.

Ноги дрожали. Сколько она провалялась? Мышцы так атрофируются, если лежать не меньше месяца.

Откуда она знает слово «атрофироваться»? Что она вообще знает?

Девушка сосредоточилась. Смутная тень лица, которое она уже вспомнила, дерево, земляная глотка, глотающая ее целиком, и после тьма, тьма, тьма... нет, больше ничего, совсем ничего!

Но, кажется, этому парню она доверяла.

«Ага. А он воспользовался доверием бедной девушки и засунул ее под дуб. Небось и барсука он приманил, чтобы поиздеваться всласть. Садист! Изверг! Чудовище!»

Легкий шорох, чьи-то мягкие лапы ступают по траве. Трава, тепло – значит, лето. Птицы переговариваются, а вот людей не слышно. Значит, она в лесу, и рядом бродит какая-то зверюга. Отлично.

«Спокойно! Дикие звери не нападают без нужды. Наверняка бедное животное рассчитывало на свою нору и очень расстроилось, что она занята. Сейчас потихоньку уйду, и оно успокоится. Поселится в норе, наташит мха, листьев, найдет себе симпатичную барсучиху, заведет парочку барсучат... А я пойду, тихо, спокойно, к людям... Вот так...»

– Эй, барсук, я ухожу. Провожать не стоит. У меня есть палка, имей в виду.

Она шагнула, ноги подкосились, и она рухнула в траву.

Палка улетела в сторону, она раскинула руки и лежала как главное блюдо на празднике. Подходи, выбирай лакомый кусочек.

Ворчание! Он совсем близко, прямо у лица – а у нее нет сил, даже чтобы от комара отбиться!

Ну и воняет у этого барсука из пасти!

– Ай!

Горячий шершавый язык облизал веки, пробежался по щекам, носу. Густые усы щеко-тали лицо.

Кажется, есть ее не будут.

– Зверь, ты кто? – девушка села и замерла – животное запрыгнуло на колени. Увесистая тварь. Может, это ее собака? Она нашла ее бедную, закопанную маньяком в лесу, и откопала. Вот же она дура, у нее же был питомец! Она вспомнила. Да, это ее пес, и звали его... Да как же его звали? Ларри? Леонард? Ли Фань? Ладно, пусть будет Тоби.

– Здравствуй, Тоби! – радостно сказала девушка и погладила своего верного пса по вытянутой морде, густым усам, маленьким ушам. Рука ее пробежалась по длинному гибкому телу, мускулистому и поджарому.

Рука скользила, а питомец все не кончался.

– Ты, наверное, такса, – решила девушка.

Тоби заворчал несколько удивленно.

– Точно такса! Морда вытянутая, тело длинное, ноги короткие и... – пальцы коснулись хвоста, осторожно смили длину.

Хвост был примерно такого же размера, как и весь Тоби.

– Должна сказать, ты довольно необычная такса, – заключила девушка. – Ну ладно, наверное, помесь. Ну что, Тоби, куда меня занесло?

В голове словно шуршали невесомыми крылышками бабочки, и ей казалось, что она различает в этом шорохе слова, но понять их не в силах.

Времени не было. Был лес, солнце грело лицо, зверь лежал на коленях. Девушка понемногу приоткрывала глаза, цедила ресницами свет, пропуская по капле, которой не хватило бы и на один глоток жабе-светоеду.

«Жаба-светоед?! Меня точно не зря закопали в этом лесу. Господи, какой бред лезет в голову бедной... Как же меня зовут?»

Не важно. Кому она назовет имя в этом лесу? Разве что волку. Здравствуйте, месье Волк, меня зовут... Красная Шапочка. Я несу корягу и помесь таксы с обезьяной своей

бабушке. Да, пирожков сегодня нет. Месье Волк, почему у вас такие расстроенные большие глаза, вы, случаем, не зверодушец?

«Опять, – вздрогнула девушка. – Кто такие зверодушцы? Кто-то отнял у меня целую жизнь. Ничего не помню».

Зверь соскочил на землю, потянулся. Наконец-то она смогла его разглядеть.

– Если ты собака, Тоби, то я волшебница, – сказала девушка. – Что ты за зверь?

Тоби нагло зевнул, смерил ее янтарными глазами и неторопливо двинулся к лесу – дескать, давай за мной. Девушка помедлила. Уходить было страшновато – все-таки это первое, что она увидела. Поляна, белый дуб, одетый листвой как зеленым пламенем. В корнях его чернела дыра. Почти дом.

И куда идти?

Нет, она должна все изучить. Что-то же должно найтись – в норе, в вещах. Какая-то зацепка, которая ей подскажет, что случилось. Она полезла в нору и вытащила смятый спальный мешок. Вытряхнула рюкзак. Разложила все на земле.

Итак. Тот парень, перед тем как похоронить, оставил ей туристическую пенку, спальный мешок и рюкзачок. В рюкзаке продукты – шоколад, печенье, бутылка с водой, нож, спички, зажигалка, несколько пакетиков растворимого кофе, газовая горелка и два баллона с газом. Все, что может понадобиться в загробной туристической жизни. Жаль, шоколад и печенье сожрали муравьи.

Девушка отвернула крышечку, жадно ополовинила бутылку. Перерыла все вещи, осмотрела все карманы, еще раз вытряхнула рюкзак.

Ничего. Ни документов, ни записки, ни чеков или билетов. Она даже не знает, в какой части света находится. Понятно, что не Африка и не Антарктида. Но хотелось бы точнее.

Она села под деревом, обняла колени:

– Что же делать?

Глава вторая

Камень был холодным. Слишком холодным. Пальцы сводило, и кости начинало ломить, но Альберт Фреймус не убирал ладонь. Волны жара текли сквозь тело, рука уподобилась жерлу вулкана, по которому с гулом тек раскаленный поток – и исчезал в ледящей пустоте менгира¹.

Круг камней, кольцо чудовищных грибов, выломившихся из блистающего пола. Врата Фейри.

Закрываются наглухо.

– Зачем вы это делаете, сэр? – спросила Мэй Вонг. – Мы убедились, что Врата не открыть силой.

– Просто проверяю пределы. – Колдун нехотя убрал руку. Горячий столб распадающегося воздуха исчезал над ним, мечи туата, подвешенные к потолку, лениво качались на цепях.

– Чьи пределы?

– А как ты думаешь?!

Мэй отвела глаза. Альберт был не в духе. И миньон очень хорошо понимала почему.

Они достигли Авалона, захватили Янтарный остров и Врата Фейри, но атака на остров Ловцов провалилась. Из трех десантных кораблей у них осталось два – «Элигор» и «Дагон», но «Элигор» сильно поврежден – проклятый морской змей! Теперь корабль годится только для перевозки солдат, вести боевые действия он не способен.

Мэй поморщилась. Да и было бы кого перевозить! От бывшего войска Фреймуса остались жалкие остатки. Две сотни наемников, сотня гомункулов, двадцать тяжелых кукол, десяток големов, столько же танков...

Конечно, мастер уже развернул лаборатории, он предусмотрительно захватил с собой зародыши гомункулов, и автоклавы, и мобильный цех по созданию кукол, и дополнительные комплектующие для них же, но все это требовало времени. И все же они сумели захватить Врата Фейри.

Вот они, серые камни, источают лютый холод – но что дальше? Она первой вошла в этот зал и проделала то же самое, что сейчас делал мастер, – штурмовала неприступные Врата. Мечи на потолке чуть не нарезали ее как сервелат в супермаркете. Вот и сейчас они покачивались над головой мастера, а Мэй, сохраняя должное почтение к действиям господина, держала меж тем достаточную дистанцию и нет-нет, да и поглядывала вверх.

Ей челку уже испортили.

– Ты пробовала разомкнуть их с помощью *первых*?

– С десяток эльфов туда отправила, – вздохнула Мэй.

– Туата тебе отдали десять воинов? – удивился Фреймус. – Добровольно?

– Да что вы, сэр! Нет конечно, я наших уважаемых союзников о таких жертвах и не просила. К тому же они сильно увлечены сведением счетов с... я бы сказала, коллаборационистами². Теми из числа фейри, кто особенно близко сошелся с Магусом. А я, пользуясь суматохой, просто наловила местных. Феи или нимфы, не знаю точно. Такие смешные... – Мэй улыбнулась. – Не думала, что эльфы умеют бояться так же, как и люди. Представляете, сэр, они умоляли меня не отправлять их в Скрытые земли. На коленях буквально!

¹ Менгир (от нижнебретонского *men* – камень и *hir* – длинный) – огромный камень, грубо обработанный человеком. Менгиры выглядят как столбы неровной формы, они устанавливались как одиночно, так и группами: овальными и прямоугольными «оградами» (кромлехи), полуовалами, линиями, в том числе многокилометровыми, и аллеями. Размеры у них бывают разные, иногда они достигают в высоту 4–5 метров и более.

² Коллаборационизм (фр. *collaboration* – «сотрудничество») – добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству.

– И как ты отреагировала на их мольбы?

– Сэр, конечно, мне их было очень жалко! – воскликнула Мэй. – Что, у меня нет сердца, по-вашему? Я объяснила им, что очень сожалею и сочувствую им. Однако попросила учесть, что их вклад в дело науки будет неоценим, и это, безусловно, должно их как-то утешить и придать им мужества.

– А они?

– Кто-то рыдал, кто-то пытался меня убить, – пожала плечами Мэй. – Никакого понимания. Одно слово – эльфы. Но... – она нахмурилась, – никаких позитивных результатов я не получила. Как только эльф касается камня Врат или входит в круг, не касаясь, то просто исчезает. Момент перехода я не успеваю зафиксировать за неимением аппаратуры. Могу сказать, что процесс занимает миллисекунды. Изменений в структуре пространства не наблюдается. Они просто есть, а потом их нет.

Она застенчиво улыбнулась – хрупкая, черноволосая девушка. *Изменение* почти не преобразило ее внешне, лишь одна прядь окрасилась в огненно-рыжий, лишь радужка глаз пылала краснотой вокруг черных колодцев зрачков. Внутри же Мэй Вонг ворочалась огненная спираль. Если бы она высвободила все пламя Балора, гудящее в ее жилах, своды дворца не успели бы рухнуть им на головы – они бы испарились в одно мгновение. Безумный дракон в образе юной девушки – так представала внутреннему взгляду колдуна Мэй Вонг...

Безумный дракон улыбнулся, смахнул рыжую прядь к виску:

– Мастер Фреймус, представляете, один из туата все же сам вызвался.

– Он был из слуг Талоса? – быстро спросил Фреймус.

– Да, один из этих рыжиков в белых доспехах. Наши, хм, союзники.

«Добровольно вошел во Врата? – Колдун задумался. – Это странно. А значит, опасно. Туата ничего не делают просто так. Если один из них ушел в Скрытые земли, значит, туата начали реализовывать свои планы. Неправильно отдавать им инициативу».

Мэй стояла рядом, терпеливо ожидая, когда колдун обратит на нее внимание. Она была умна, сильна, но слишком молода. Альберт понимал, что ее тревожит. Чувства... чувства возвращались, вызванные *первопламенем*, они волновали и его. Фреймус пробовал их на вкус, как вино, и находил странное удовольствие в горечи и тоске, гневе и ярости. Удивительно. Стоило потерять так много человеческого, чтобы в итоге понять, что в нем еще очень много от обычного человека.

Он посмотрел на Мэй. Он мог бы ответить ей без слов, *первопламень* связывал их всех воедино, но говорить – тоже удовольствие. И его колдун тоже находил неожиданно приятным.

– Да?

– Сэр, что случилось с Виолеттой?

«Я ошибся, – с удовольствием подумал Альберт. – Вовсе не Зорич заботит ее больше всего».

– Ты тоже почувствовала?

Китайка кивнула. Конечно она почувствовала, что за глупый вопрос? Он рожден изъясном человеческого языка, слишком несовершенного, чтобы передать то, что они теперь ощущают. Они как искры во тьме, они кружат вокруг солнца – их господина, они связаны багровыми нитями. Нити пульсируют, нити пересекаются друг с другом, складываясь в сложный рисунок. Ни в одном алхимическом трактате не найти этой фигуры, потому что она постоянно изменяется. Дрожь пробегает по нитям, когда искры вспыхивают или тускнеют, их танец никогда не прерывается, их взаимное расположение отражает десятки значений, в том числе и силу миньона, и его согласованность с действиями господина, и внутреннюю гармонию, степень освоения *первопламени*.

Тот момент, когда Ви *погасла*, почувствовали все миньоны. Она горела так ярко, что почти сравнялась по яркости с господином. Альберт был слишком занят операцией на острове Вольных Ловцов, чтобы отслеживать ее состояние. Он не успел понять, что произошло. Все, что успели уловить остальные, ее ярость, гнев и досаду.

Она проводила военную операцию, уничтожала Собор Магуса, и что-то пошло не так, как Ви рассчитывала. Ей пришлось самой вмешаться в бой... и искра ее вспыхнула и расточилась во тьме бесследно.

Что могло мгновенно уничтожить одного из них? Каким оружием циркачи сумели одолеть миньона?

Вот что волновало Мэй Вонг.

Это тревожило и Фреймуса. Альберт не любил загадки, которые могут угрожать его безопасности и способны нарушить планы.

– Ты знаешь столько же, сколько и я, – неохотно сказал он. – Виолетта не справилась. Мы узнаем больше, когда получим отчет Дикой Гильдии. Я уже приказал Эжену проверить место боя, возможно, он выяснит что-нибудь еще. Жаль Виолетту, но нам надо сосредоточиться на выполнении плана.

Мэй кивнула. Гибель Виолетты ее тревожила, но она не могла отогнать еще одну настойчивую мысль – теперь одним соперником меньше. Они с Андреем смогут встать по левую и правую руку от господина.

Если только... Она едва заметно вздохнула. Искра Андрея вспыхивала и тускнела. Он очень отдалился от господина, почти размыкнул их согласованный танец. Он сильно пострадал в схватке с лисицей-оборотнем, она что-то сделала с Андреем. Мастер не сказал определенно, что с ним происходит, – просто спрятал Андрея в один из саркофагов кукол. Никто, даже она, не имел права приближаться к нему.

А на призывы Зорич не отвечал.

– С ним все будет хорошо, – неожиданно мягко сказал Фреймус, касаясь ее руки. Мэй вздрогнула, подняла глаза. – Он поправится.

Мэй согласно кивнула.

Фреймус без промедления перешел к другим делам:

– Объект готов?

– Да, метаморфоз завершен, – сказала Мэй. – Активация прошла успешно, ее переместили сюда. Я приведу ее.

Мэй Вонг стремительно вышла. Что-то мешало ей, расплывалось в глазах. Она смахнула горячие капли, распахнула двери соседнего зала. На низком ложе, спиной ко входу, сидела девушка в темно-синем медицинском костюме – такие мастер использует для опытных образцов. Руки безвольно лежали на коленях. Белокурые, почти белые волосы волновал ласковый ветер Авалона, втекая в распахнутые окна. Занавеси шелка, поминутно меняющего цвет, трепетали, тянулись в зал плененными птицами, но не могли сорваться со своего насеста.

Эти покои принадлежали кому-то из членов Совета Магуса, Мэй не знала, кому именно – эти трусы сбежали при их появлении.

Девушка обернулась.

– Вставай, – приказала Мэй Вонг, глядя в пустые глаза девушки, как две капли воды похожей на Дженни Далфин. – Идем со мной.

Глава третья

Земли Внешние и земли Скрытые – не два мира, разделенных радужной стеной. Нет разницы между мирами, и радужный барьер – не стена вовсе. Слепы те, кто думает так, – не важно, первые они или люди.

Нет разницы между мирами, потому что это один мир, разделенный волей Видящей, чтобы уберечь от взаимного истребления людей и первых.

Внешние земли без Скрытых – пустая оболочка, мертвая скорлупа, лишенная жизни. Скрытые земли без Внешних – зыбкое ядро, нежное сердце, которое готово развеяться и погибнуть. Внешние земли – тело, Скрытые – дух, воля и сердце, ян и инь, две половины одного целого. Прекрасна жемчужина этого мира, обвивает ее Великий змей полосой радужного пламени.

Унгор, Унгор – имя твоё древнее всех, оно звучало, когда вулканы выплескивали расплавленную магму, не остывшую ещё кровь Имира, и континенты ещё только угадывали, какие им принять очертания.

Ты был рядом, ты видел, как то, что было Имиром, стало просто миром. Даже ты не мог понять тогда, живое ли это существо или просто кипящая тьма, пронизанная первоогнем, когда ты впервые открыл глаза – там, ещё в начальной тьме, в холоде Древнего льда, он, она, оно уже было. Менялось, струилось, стремясь к чему-то... к чему? Даже тебе было неизвестно.

Ты тянулся к нему, ты звал его, единственного собеседника, но не мог понять его ответов – даже когда он откликался.

Девушка открыла глаза. Холодно, блин. Неудобно. Всю спину отлежала. Лес. Она все ещё в лесу, вот уже второй день, и она сходит с ума.

Когда она не спит, в голове шумят мотыльки и Тоби сверлит её желтыми глазами, как будто пытается заговорить. Когда она спит, её настигают невообразимые образы, которым и слов-то на английском не подберешь.

Ура! Она вспомнила родной язык. Англия, Англия – это остров, это земля, где она родилась, где её родители, где дедушка... Марко!

Девушка вскочила. У неё есть дед, его зовут Марко. Седые волнистые волосы, узкое морщинистое лицо, хитрые карие с зеленцой глаза, их ласковое тепло может сменяться твердой сталью. Характер у деда тот еще.

Странное имя для англичанина – но да черт с ним, родственников не выбирают. Он самый замечательный дед на всем белом свете – как он метает в неё ножи, как он орудует пилой или...

Нда. Дорога, которая привела её к пещере в корнях дуба, явно была увлекательной.

– Черт, черт, черт! – Девушка вскочила, пнула дерево, под которым заночевала. По верхушкам деревьев пробежал шелест, порыв ветра оборвал листву.

Она ни-че-го не помнит. Сколько ей лет? Как её зовут? Как она выглядит?! В этих ручьях ведь ничего не разглядеть, кроме цвета волос – они у неё белые. Очень ценная информация. Как она оказалась под этим проклятым деревом?! Где её родные и друзья? И где, наконец, в этом лесу можно нормально пожрать?!

Ярость отступила – так же быстро, как и нахлынула. Она села на землю.

– Есть хочу, – сказала она подбежавшему Тоби. – Тебе хорошо, ты вон вчера зайца слопал вместе с ушами. А я со вчерашнего дня только воду пила.

Тоби развернулся и исчез в лесу. Скотина бесчувственная.

Девушка прислонилась к дереву. Прикрыла глаза...

Ты струил свое тело, Унгор, ты обратился к Имиру, и колесо времени начало вращение. Имир изменился. Ты плясал в грозových раскатах, ты свивал тело в гремящих небесах, ты падал вниз и взмывал к звездам, и твой смех был громче любого грома. Этот мир впервые увидел себя в отражении твоих зрачков.

Ты увидел – тогда мир был багровый и черный, бури гнали черные облака, венцы молний опоясывали первозданные горные пики.

А потом ты увидел их, рожденных из остывающей крови Имира.

Фоморы, ожившие искры первоогня, дети Ночи. Тебе было просто с ними – ты был молод, а они юны. Они творили мир сообразно твоей воле, поднимали горы, создавали пропасти, чертили русла рек в земной плоти и испаряли моря.

Они были могучи, они были воплощенным пламенем – но кто может сказать пламени «довольно»? Кто остановит его вечную жажду поглощения и пересотворения?

Фоморы были неустойчивы, от их шагов сотрясались горы и раскалывалась земля, они разрушали все, что создавали, их увлекала бесконечная игра форм. Они не хотели останавливаться, потому что пламя никогда не останавливается. Их буйство грозило уничтожить все, Балор и его соплеменники жаждали лишь вечного танца в пылающих недрах планеты, а до всего прочего им не было дела.

И тогда – ты создал туата. Призвал их из несуществования, отлил в чудесные, невиданные формы, которые прозрел в своем сне – ибо ты спал, Унгор, и не просыпался никогда, ты видел в своем сне танцы прошедших дней и кипение дня грядущего.

Огненный нож будущего неостановим, он движется все время, вдоль всего сущего, он и есть ты, Унгор, Радужный змей, великое время.

Девушка открыла глаза и тихо, не разжимая зубов, застонала. Все, это клиника. Может, она сбежала из психушки, а память от лекарств отшибло? Судя по всему, так и есть. На ней, правда, не больничная пижама, но психи бывают страшно хитрыми. Выпросила, украла, попросила...

Она насторожилась. В слове *просить* для нее таился еще какой-то смысл, дрожал кончик путеводной ниточки, потянув за которую она, быть может, смогла бы размотать клубок воспоминаний, вернуть себе себя.

– Так, милая, давай рассуждать логически, – сказала девушка. – Во-первых, тебе нужно имя. Хотя бы для общения с другими людьми. Должен же этот лес кончиться когда-нибудь? Какое бы тебе подошло? Лилит? Алкимена? Галадриэль? Иштар? Джейн? Точно, Джейн!

Хорошее, короткое, английское. И, кажется, именно так меня и звали. Джейн.

Обретя имя, она почувствовала себя уверенней. Теперь она совсем человек, а не безымянное потерянное создание, жертва беспамятного изгнания... Ну вот, опять.

– Не отвлекайся, – приказала Джейн и послушалась. Эй, а у нее получается приказывать. – Это ложные следы, они никуда не ведут. Давай посмотрим, что можно сделать.

Из кустов выскочил Тоби. В зубах он тащил тушку зайца.

– Серьезно? – сказала она. – Я же не умею! Его же надо освежевать, выпотрошить, начинить ароматными травами и все такое...

...Тушка над костром пахла так, что Джейн приползла бы сюда с другого конца леса без ног. Капли жира шипели на углях, рождали быстротечные синие цветы пламени. Она срезаала поджаренную корочку и торопливо сжевала. Оказывается, потрошить дичь она умеет. Одаренный пациент сбежал из психушки.

– Спасибо, Тоби, – с чувством сказала она, когда от зайца осталось полтушки. – Хочешь?

Зверь раздраженно ударил длинным хвостом по бокам, прожег ее взглядом и одним прыжком скрылся в сумерках.

Джейн пожала плечами, прилегла на пенку, накрылась спальником. Накатывала вечерняя прохлада, проклевывались первые звезды.

Красивый летний вечер, как бы ей хотелось разделить его с кем-нибудь! Хотя бы с тем парнем...

Как его, интересно, звали? Что их связывало? Где он теперь?

Сердце пробило иглой. Джейн закуталась в спальник – тоска и боль и еще слезы подступили к горлу, она не хотела о нем думать, но мысли кружили как заблудившийся на пустыре ветер и снова возвращались к его серым глазам, к черным волосам, мягкой, чуть растерянной улыбке. Между ними лежал океан, в который было страшно входить, словно она запретила думать о нем, словно он не человек, а черная дыра, провал, которого коснешься – и ухнешь с головой, и никто никогда тебя не найдет.

– Что со мной, господи?!

Небо наливалось синевой, небо расплывалось в глазах. А потом по нему побежали всполохи, и на половину неба растекся занавес северного сияния – багровый, зеленый, синий. А следом небо пересек белый дымный след, и еще один, и еще, словно камни выпадали из небесного свода, звездами падали за горизонт, на восток.

Звука не было, но, прорезая ночь, над черным краем горизонта медленно заалела полоска далекого зарева. Будто солнце решило взойти снова, но передумало.

Шорох Джейн не испугал – она отчего-то знала, что это ее верный зверь неведомой породы возник рядом. И еще она знала, что он шуршал специально, чтобы она не пугалась.

– Кажется, в этом мире идет война, – сказала она. – Мы пойдем на восток, Тоби, туда, куда упали ракеты. Туда, где светится небо.

Зверь, кажется, хотел покрутить лапой у виска – как в мультиках, но вместо этого улегся в ногах. Нормальный человек бежит от войны, но сейчас ей нужно было понять – кто она такая? Ей нужна помощь.

Глава четвертая

Горячий ветер обжигал щеки. Над Замком Печали, как всегда, стояло солнце. Как всегда – в зените.

«Здесь никогда не бывает ночи, – подумал Агриппа. – Не приходит вечер, который дает облегчение и приносит прохладу узникам. Здесь нет надежды. Можно ли так обращаться с больными!»

Но вслух он этого не сказал. Двое Лекарей стояли на вершине Замка Печали, на макушке многометрового утеса серого камня, застывшего над соляной пустыней. Пересыхающая лагуна слепила глаза блеском соли – как всегда. Жара. Пекло. Даже страж-пауки, казалось, двигались медленнее обычного, проверяя ячейки-камеры.

Эту картину увидел бы любой, кто смотрел на внешнюю стену Замка Печали. Ее Агриппа видел сотни раз. Но он нет-нет да и бросал взгляд назад, за спину. На внутреннюю сторону Замка, его изнанку, которую видел лишь несколько раз, да и то на служебных ярусах. Никто из подмастерий не удостоивался чести всходить на вершину Замка, да еще в сопровождении главы Лекарей.

«Наверное, потому что я был там, – подумал Агриппа. – Я последним из Лекарей отплыл из Герледана, я застал атаку темников и гибель Собора Магусов».

Во всяком случае, Агриппе хотелось думать, что именно это послужило причиной вни-мания мастера. А вовсе не их позорный проигрыш опергруппе СВЛ.

В глубине сердца Агриппа признавался, что даже немного рад. Они не убийцы, они Лекари, они не должны отнимать жизнь!

И вот теперь он стоит рядом с великим Аббероэтом, великим мастером Лекарей, прожившим сотни лет. Говорят, что он открыл тайну эликсира бессмертия и даже великие алхимики-темники просились к нему в ученики. Нет болезней, которые ему не подвластны, он спасал десятки тысяч жизней на протяжении веков. Именно Аббероэт остановил вспышку Великой чумы в Средние века, которая пришла с Востока и уничтожила треть населения Европы. А если бы не вакцина Лекарей и не усилия Аббероэта, который убедил Великий Совет, вымерла бы вся Европа. Люди Магуса не понимают их благородной задачи и прокли-нают их методы. Что ж, как говорил Авенариус, иногда лекарство бывает горьким.

«Авенариус погиб. Остановил сердце, – вспомнил Агриппа. – Может ли быть так, что лекарство окажется хуже болезни? Неужели одна маленькая девочка страшнее Великой чумы, убившей миллионы?»

Он бросил взгляд на мастера. Тот прикрыл глаза. Горячий ветер слегка шевелил капю-шон одеяния.

«Я всего лишь подмастерье, – подумал Агриппа. – Я должен верить мастеру и не сомне-ваться в его указаниях. Если бригада не слушается хирурга, пациент обречен. А сегодня на операционном столе весь мир...»

Он обернулся. Узкая, в мужской шаг шириной дорожка бежала по краю огромного колодца. Вниз уходили стены, источенные тысячами келий. Вся громада Замка Печали была пуста изнутри, выточена трудолюбивыми страж-пауками, которые сновали по нитям от края к краю.

И Марко Франчелли, и Маргарет Дженкис держали в кельях на наружной стене замка, под палящим солнцем, в условиях строгой экономии воды. Это был обычный изолятор. В кельи внутренней стороны, в спецстационар, Агриппа еще не попадал.

– Как ты думаешь, Агриппа, почему мы выбрали это место для лечебницы? – Глава Лекарей не оборачивался, но, кажется, легко читал его мысли.

Юный Лекарь озадачился:

– Не знаю, господин. Строго говоря, соленый воздух полезен...

– Он полезен при астме, Агриппа. Не лучше ли было бы выбрать тихий зеленый остров, такой как остров Дриад, например? На Авалоне достаточно красоты, чтобы исцелить любую душевную болезнь, не так ли?

– Я не уверен...

– Скажи, что ты думаешь, а не то, что я хочу, по твоему мнению, услышать! – Резкий голос Аббероэта подхлестнул подмастерье. – Я потерял достаточно Лекарей, чтобы слушать льстивые речи. Авенариус был слишком самонадеян, он предпочитал действовать, а не размышлять. За что и поплатился.

– Я думаю, что это странное место... для лечебницы, – сказал Агриппа. – Оно не успокаивает, не лечит, оно обессиливает.

– Правда в том, что от болезни чудодейства нельзя исцелиться, – сказал Аббероэт. – От нее нет спасения. Это проклятье, родовой изъяз людей Магуса, наше великое искушение. Любой может оступиться, любой может оказаться в одной из этих камер. Ты, я, кто угодно.

– А как же случаи исцеления? Знаменитое излечение мастера Себастьяна, первого из Лекарей?

Аббероэт наконец посмотрел на него. Щелкнул пальцами. Чудовищная многоглазая голова поднялась над краем башни. Верховой страж-паук, один из сторожей верхнего яруса Замка, услышал безмолвный призыв мастера. Удивительно, как эта громадная туша умудрилась уместить свои восемь лап – каждая толще медвежьей – на узкой дорожке смотровой площадки.

Аббероэт легко, в два шага – услужливо подставленный коготь, затем толчок от мохнатого бока – взлетел на спину, уселся в узкое седло, взялся за поручень седла. Нетерпеливо сверкнул темными глазами.

Не задавая лишних вопросов, подмастерье забрался следом. Так изящно, как у мастера, у него не получилось. По правде сказать, у него никак не получилось – пауку надоело, и он забросил его второй задней лапой на спину. Унизительно, зато быстро.

– Держись крепче, Агриппа, – велел мастер. – У тебя была практика скоростного спуска?

– В каком смысле «скоростного»? – удивился Агриппа.

Паук затрусил по дорожке, набирая скорость.

– А зачем мы так разбегаемся, мастер? Разве мы не будем использовать направляющие нити?

Аббероэт что-то пробормотал.

– Что-что, мастер?

– В колодце нет направляющих нитей! – Глава обернулся, глаза его сверкнули молодым блеском.

– В колодце? – тупо переспросил Агриппа, и паук прыгнул.

...Он пришел в себя мгновенно, как вспыхивает в костре сухая трава. Подмастерье открыл глаза.

В поле зрения попадала рука мастера – крупно, его костлявый палец, больно упершийся Агриппе в точку над бровями, а также часть лица Аббероэта. На заднем плане маячила белая с серыми подпалинами туша страж-паука. Все восемь его глаз весело поблескивали.

– Хватит валяться, у тебя никаких повреждений, – сухо сказал Аббероэт.

– Мастер, вы бы не могли убрать палец? – просипел Агриппа. – Я пошевелиться не могу. И больно.

Глава Лекарей убрал руку. Агриппа сел, растирая пылающее лицо.

– Простите, я просто немного испугался, когда наш паук... Вообще, разве пауки прыгают?!

– Это удивительные создания природы, – мастер погладил белый паучий бок. – Они умеют многое.

– А что вы сделали, мастер? – Агриппа вскочил на ноги. Он бы сейчас мог пробежать километров сорок с развязанными шнурками.

– Перенаправил потоки твоего пламени жизни, – Абберотт прохаживался перед ним. – Идем, Агриппа, я покажу тебе Себастьяна.

– В смысле – Себастьяна? – оторопел Агриппа. – Он же давным-давно умер. А где мы, мастер?

Он огляделся.

Стены, сложенные из известняка, спресованный коралловый риф, тела миллионов умерших существ, обернувшиеся камнем.

Далеко вверх светился неровный овал проема колодца. Был он размером примерно с кольцо.

– Мы на дне, Агриппа. В приюте Неизлечимых.

Подмастерье открыл рот, захлопнул его. Он молча последовал за мастером в проход, пробитый в камне. Страж-паук опустился на брюхо, замер у входа в тоннель.

Густая жаркая тьма окружала их, вокруг Абберотта затеплились и закружились три *живых светляка*. Изломанный известняк засверкал в их золотом свете. Воздух был жарок, в нем глохли звуки, ноги тонули в горячей пыли.

Они шли по проходу, слева и справа открывались ниши, затянутые окаменевшей паутиной. Эта паутина очень отличалась от той что наверху. Она сверкала, выходила из стен. Они шли долго, но вот Абберотт остановился. Тупик. Коридор заканчивался нишей, закрытой каменной паутиной.

– Все, конец тоннеля? – растерянно спросил Агриппа.

– Это его начало. – Абберотт провел рукой по паутине. Сперва ничего не происходило, потом она начала светлеть, истончаться до прозрачности воздуха.

Агриппа попятился.

– Это... Себастьян?

– Великий Властный, Себастьян, – с глубокой грустью сказал Агриппа. – Первый из Лекарей, Агриппа. Первый, исцеливший своего сына от болезни чудодействия. Цена лечения оказалась непомерно высока. Знаешь, как он смог его исцелить, Агриппа?

– Откуда? – прошептал подмастерье. Он не мог оторвать взгляда от существа в нише. Некогда оно было человеком – но теперь? Иссохшее тело, кости, туго обтянутые белой кожей, заросшие бельмами слепые глаза, волосы, вросшие в пол и стены – нет, это паутина! Не понять, где кончаются волосы первого Лекаря и начинается каменная паутина, наполняющая келью. Прозрачные нити входили в его тело, Себастьян как бабочка был нанизан на тысячи нитей паутины, по которым пробегали робкие огоньки.

– Что с ним случилось?

– В легендах все не так, Агриппа? – спросил Абберотт. – Себастьян смог исцелить своего сына от болезни чудодействия. Но он нашел только один способ – лишить его способностей Магуса.

– Это небольшая плата за жизнь, – замотал головой Агриппа. – Пусть он стал обычным человеком – выздоровел. Разве за это можно так поступать с первым Лекарем?!

– Ты решил, что мы его поместили сюда силой? – изумился Абберотт. – В наказание за лечение? Ты еще более наивен, чем говорил Авенариус.

– Я не понимаю, – признался Агриппа.

Абберотт чуть заметно вздохнул:

– Мастер, неужели со мной было так же сложно?

Агриппа оторопел. Он обращается к Себастьяну? Нынешний глава был учеником первого Лекаря?!

– Он сам вошел в эту келью, по собственной воле. После того, как увидел, что совершил.

Себастьян исцелил своего сына, лишив его способностей Магуса. Для этого ему потребовалась *просьба* настолько огромная, что одной человеческой жизни не хватило на ее *оплату*. Первый Лекарь придумал, как разделить свою *оплату*, как перевести ее на других.

– Он заставил *платить* других? – с ужасом спросил Агриппа.

– Учитель был Великим Властным, – с мрачной гордостью сказал Аббероэт. – Посуди сам: если огромный поток разбить на сотни ручейков, то на долю каждого достанется совсем немного. *Плата* среднего размера, посильная для любого. И потом – Себастьян никого не принуждал. Все, кто разделил с ним его *просьбу*, сделали это добровольно. Все они были его друзьями, его пациентами, теми, кому он помог раньше.

– Тогда в чем же дело?! – воскликнул Агриппа.

– *Просьба* оказалась слишком большой даже для ста двадцати человек. Все они впали в болезнь *чудодействия*.

– Исцелив одного, он заразил сто двадцать?!

– Прежде чем он понял, что совершил, его друзья успели разойтись по всему миру. Именно Себастьян породил болезнь *чудодействия*. Ужас в том, что *чудодействие* — коллективный психоз, это душевная болезнь, которая способна заражать других людей Магуса. Очень трудно удержаться от малой *просьбы*, когда кто-то рядом с тобой танцует как звезда – легко и беспечно. Эпидемия начала распространяться как пожар по всему миру, очаги вспыхивали один за другим. И тогда он сделал единственное, что мог, – обратился за помощью к Великому Совету, призвал на помощь всю мощь Магусов. Чтобы обуздать безумцев, рвущих мир на части, чтобы навсегда запереть их безумие в Замке Печали. Вот почему он так зовется, Агриппа. Он стоит на телах тех первых ста двадцати, они вросли в камень, они слились с ним, но частью все еще живы.

Аббероэт провел пальцем по нити паутины:

– Я часто слышу их голоса.

– И мастер Себастьян...

– Он был одним из ста двадцати, – кивнул глава Лекарей. – Он был последним, кого мы заключили в келью.

– Лекари сами раздули огонь, который теперь не могут потушить, – прошептал Агриппа.

– Надежда питает человека, надежда дает ему силы, – Аббероэт погладил узкую белую бороду. – История Себастьяна – красивая легенда. Нас и так не слишком жалуют в Магусах, что же будет, если они узнают, что мы просто держим наших безумцев в заточении? Что мы не в силах им помочь, а можем только изолировать?

– Но...

– Не лучше было бы даровать им смерть, да, Агриппа? – Глаза Аббероэта блеснули. – Я часто думал над этим. Да, так было бы милосердней. Но убивать своих сородичей – для этого у меня не хватает сердца.

– С Видящей вы не колебались, мастер Аббероэт, – осмелился заметить Агриппа. – Мы зашли очень далеко...

– Недостаточно далеко! Видящая – это смерть мира, Агриппа, полное уничтожение всего, что мы оберегали столетия. Одного раза было достаточно, второй Видящей мир не выдержит. Ты не представляешь, что она такое, на что она способна. По правде сказать, никто не представляет. Размер ее *просьбы* невозможно просчитать, десятилетиями я

пытался, сводил с ума всю службу Сновидцев, но нити вероятности просто исчезают в области прогноза, которая касается Видящей.

Глава повернулся:

– Мастер Агриппа, ты должен найти Дженни Далфин и остановить ее.

– Я?! – Агриппа остолбенел и только потом сообразил: его только что произвели в действительные мастера, минуя три ступени посвящения. – Но Авенариус не справился, я еще... я не готов, я... почему я, господин Аббероэт?

– Ты очень похож на него, – сказал Аббероэт после долгой паузы. – Ты мягок. Ты добр. Ты сомневаешься. До этого времени я полагался на силу, опыт и твердость – и безрезультатно.

– А если я не смогу? – Агриппа облизнул пересохшие губы. – Если я не смогу ее убить? Если я решу, что она не заслуживает смерти?

– Когда ты увидишь ее, то поймешь, что иного пути нет. Идем.

– Мастер, – рискнул спросить Агриппа, когда они уже вышли в колодец Башни, – на кого я похож?

Мастер Аббероэт промолчал.

Глава пятая

– Когда она проснется?

Людвиг пожал плечами:

– Об этом, друг мой, даже звезды тебе не скажут. В свое время.

Он протянул кружку Бьорну.

Тот взял ее, укоризненно поглядел на Стража.

– Сухой лед кончился, – сказал Людвиг. – Из деревни все уехали. Мы в зоне отселения, ты забыл? Чем тебе не нравится кофе? Он достаточно холоден.

Бьорн дунул в чашку. Бока ее запотели.

Страж только крикнул, слушая, как Бьорн довольно хрустит кофейными льдинками.

Третья неделя сна Дженни тянулась особенно долго.

Сначала они знали, чем заняться. Неделю они хоронили павших.

Бьорн думал, что забыл, каково это – плакать. Думал, ему выстудило сердце, заморозило остатки души, искореженной когтями демония. Думал, сила Древнего льда и жизнь в тени Сморстабрина смогли вытравить все лишние чувства.

Ошибался.

Они собирали тела и хоронили в двух больших могилах. Это просто – подходишь, берешь, кладешь на носилки. Руки в перчатках. Не так уж тяжело – для него нынешнего. Людвиг безошибочно определял, кого они хоронят, сразу говорил – направо или налево.

Направо – люди Договора и простые зрители, налево – темники и их создания.

Обгоревшие, черные тела.

Хуже всего было, когда они находили детей – не все зрители покинули фестиваль, когда его атаковали темники.

Сначала Бьорн держался хорошо: поднимал, относил, возвращался. Просто физические упражнения, в этих останках с трудом узнавались люди.

Потом появился запах. Сладковатый, тяжелый.

От него кружилась голова и тошнило.

Они надели маски и работали в масках.

Два холма у края леса. Две братские могилы. Пройдет лето, осень, наступит весна, и на свежей земле вырастет трава, и не будет уже различий. Никто, проходя мимо, не узнает, в каком из холмов лежат люди Договора, а в каком – слуги темников. Смерть уравнивает всех.

Только почему так страшно уравнивает, не понимал Бьорн. В чем провинились простые люди, попавшие в жернова этой распри?

...Они разбили лагерь на лугу, где под корнями белого дуба спала Дженни.

Вторая неделя прошла в неспешных разговорах. Льды притушили природное любопытство Бьорна, но все же не загасили совсем: он хотел узнать о жизни Магусов и их давней вражде с темниками. А Людвиг, в свою очередь, хотел выяснить, откуда Сморстабрин узнал о такой незначительной персоне, как Страж английского Магуса. И какое, собственно, дело до него столь древнему существу?

Увы, об этом Бьорн ничего сказать не мог. Однажды Смор нашел его на пороге одного из бесчисленных входов в свое царство, где Бьорн сидел, перебирая в ладони горсть льдинок. Созерцание льда – одно из любимых упражнений, которое Смор велел выполнять, едва он встал на ноги. Лед успокаивает сердце, лед проясняет разум.

Солнце играло на ледяных гранях, лед не таял в руках, и ему не было холодно. Внимание юноши сосредоточилось на дробной малости – крупиках замерзшей воды, каждая из которых была неповторимой.

Если бы люди были такими же – ясными, прозрачными и чистыми, как лед!

Он слышал нежную песню, тихий звон. Взгляд Бьорна истончался, делался подобным игле, нет, тоньше, он пронизал внутреннюю структуру кристаллов, видел дрожание молекул, атомов, но чувствовал, что и это не предел, его сосредоточенная воля отомкнула запоры вещества – и вдруг перед ним распахнулся провал. Бездонный колодец существования звенел в его руке как ключи от всех миров, там загорались и гасли солнца, темные вихри пожирали целые галактики, жизнь вспыхивала и исчезала, но вспыхивала снова, упрямо карабкаясь ввысь, и все это умещалось в малой горсти льда!

– Теперь ты готов.

Бьорн не сразу понял, не сразу вернулся.

Когда Бьорн обернулся, то впервые увидел глаза Смора. Сейчас он был ростом не выше человека, мерцающий синим силуэт с горящими белыми глазами, но юноша видел все его громадное тело, раскинувшееся на горных вершинах, продавившее скалы, Сморстаббрин был везде, но здесь он был *проявлен*. В ногах его темными клубками роились чаклинги.

– К чему готов?

– Пришло время идти, человек.

Ему показалось или в словах Смора звучала грусть? Нет, показалось.

– Ты найдешь Видящую. Ее судьба связана с судьбами всего живого, но с твоей больше.

– Уходить? – повторил Бьорн. Встряхнулся, возвращаясь из созерцания. – Мне надо уходить?

– Ты научился видеть глубже, чем многие из людей Магуса, ты был за границей смерти и вернулся, ты был поражен злом, но исцелился. Лучшего посланца мне не найти.

– Я не хочу уходить! – Бьорн рассыпал лед. – Я хочу остаться здесь! Там нет ничего, что мне близко. Мой дом здесь, Смор!

– Пора расставаться, человек, – Смор протянул кожаную старинную сумку.

– Что это?

– Ночь.

Бьорн к загадкам Смора привык, потому терпеливо ждал, не принимая сумку. Знаем мы эти штуки: возьми, Бьорн, этот валун и отнеси на вершину горы, тролли сильно просили, смотри, какой забавный кристалл льда, наверняка в Синей пропасти есть такие же, ты бы не мог поглядеть?

– Осколок первой ночи, осколок Древнего льда, бывшего прежде солнца и луны, – глаза Смора мерцали, то усиливая свет, то затихая. – Задолго до того, как были рождены фоморы, задолго до того, как вспыхнул *первоогонь*, мир был скован темнотой этого льда. Теперь его почти не осталось. Бери и ступай, человек. Найди Стража, умершего и вернувшегося, найди того, кто бился с Дикой Охотой и уцелел.

Разумеется, Бьорн рассказал Людвигу все, что с ним случилось, бегло, не углубляясь в детали. Ни к чему Стражу Магуса знать о нем слишком много. Они союзники, но не друзья, у них лишь одна цель – защитить Дженни. Вот о троллях, которые изрядно досаждали Смору – то лавину спустят, то для домашнего холодильника лед принимают ломать из передней лапы Смора, – он рассказывал живописно. Сам удивлялся – какая, оказывается, веселая жизнь у него была.

Людвиг слушал и слегка посмеивался, по лицу его – безмятежному, как у статуи Феба Аполлона, – гуляла легкая улыбка.

Он же, в свою очередь, ничего не скрывал от Бьорна. Рассказал об устройстве Магусов, об Авалоне – архипелаге островов, которые расположены в Океане Вероятности, между этим миром и Скрытыми землями. Там расположен Великий Совет Магусов, там Служба

Вольных Ловцов, которой управляет из Башни Дожда древняя Юки Мацуда, о службе Лекарей и их мрачном Замке Печали, о Спящем Короле, о сословиях и способностях Магуса.

Лишь одной темы Страж предпочитал не касаться – что же случилось там, в руинах Казр Сиди, под курганами Венсброу, и как он спасся.

Так прошла еще неделя.

А на исходе третьей к ним пожаловали гости.

... Людвиг напряженно смотрел в лес. Спокойно, тихо. Птицы деловито перекликаются, начало лета, в гнездах маленькие птенцы и у пернатых полно хлопот – нелегко прокормить голодные рты. Вот и носятся они, ловят мошек и жуков, а небо чертит быстрая тень ястреба.

Каждый живой торопится, стремится продолжить свою нить жизни.

Забыта кровавая бойня, забыто пламя и смерть, и колесо природы вращается дальше. Забытые лодки качаются на пристанях, ветер гуляет по пустым стоянкам, играет на дверных колокольчиках, но никто не выйдет из кафе, чтобы встретить посетителя.

Месяц назад всех отселили из этой зоны, радиоактивное облако из взорванной АЭС в Шиноне накрыло эту часть Бретани. Но Людвиг был спокоен: ветер дул в другую сторону и пыль осела по ту сторону озера.

Теперь там стоят черные сосны, сухие и страшные, и ветер носит вихри рыжей сухой хвои.

Пить из озера Людвиг запретил, и они брали воду в роднике. Бьорн чуял, что вода в нем еще чистая.

Только забытые собаки бегали по окрестностям, сбиваясь в стаи и стремительно дичая. Еще немного времени – и они окончательно озвереют. Беда заплутавшему путнику или нелегальному мигранту, бредущему с разоренного южного побережья, если он встретит такую стаю. Нелепость – одолеть такой путь с бывшего Лазурного Берега, чтобы быть разорванным на полдороге к безопасной зоне в Нормандии.

Когда-то на средиземноморском побережье Франции были лучшие курорты. Кто теперь рискнет там отдохнуть? Марокканские пираты, неведомо откуда взявшиеся в мирном Средиземном море, с недавних пор наводили ужас на обитателей побережья Европы, Африки и Азии. Владения великого султаната Абу Наджиба – вот как теперь называется бывший Лазурный Берег, и неверному туда дорога заказана.

Оснащенные загадочным оружием быстроходные лодки пиратов держали под контролем все Средиземноморье. Они появились всего полтора месяца назад, после того, как мощное землетрясение уничтожило часть Атласских гор. Этот катаклизм словно высвободил их, как если бы пираты были заточены в глубине гор.

Показательная бойня в Бискайском заливе, когда были уничтожены патрульные корабли французской береговой охраны, была только началом. Марокканцы захватили все побережье и продвигались на север. Силы коалиции НАТО сдерживали их, однако много сил у военных отнимала чудовищная война на Ближнем Востоке, где Израиль вновь схлестнулся с арабами. Вновь закрутился маховик войны на Кавказе, где сцепились между собой армяне, азербайджанцы, грузины, осетины, абхазы, русские, бушевал мятеж в турецком Курдистане. Полыхал и Восток – две Кореи выясняли в жесточайших боях разницу между свободной и тоталитарной экономикой, Китай конфликтовал с Японией, Индия и Пакистан уже обменялись ядерными ударами и перешли к тяжелым позиционным боям. Социальные протесты сотрясали Америку, южные штаты требовали автономии, Россия развернула войска в Прибалтике.

А в довершение всего Европу разрывали чудовищные акты неизвестной до недавнего времени террористической организации «Знамя пророка» – диверсии на атомных станциях в

Шишоне, Беллевиле, Трикасине, Фламанвилле, взрывы на улицах Парижа, Лиона, Марселя. Мир лихорадило.

– Кто-то идет? – спросил Бьорн.

– Кто-то пришел, – Людвиг встал. На запястье в ременной петле закачался боевой молот.

– Ничего не вижу, – признался юноша.

– И я тоже, – силач вглядывался в лес. – Если бы ты владел *ясным взором* так, как владеют им люди Магуса, ты бы почувствовал. Звери испуганы. Я не Ловец, но слышу запах их страха. Я слышу, как дрожат деревья. И еще я слышу шаги.

– Сколько ты можешь сражаться без *платы*? – озабочился Бьорн. Людвиг успел немало рассказать ему о людях Договора, и Бьорну совсем не хотелось в разгар драки остаться одному с парализованным Стражем на руках.

По правде сказать, он вообще не хотел драться. Но позади Дженни, она спит под деревом, и пока она не проснулась, они не могут сойти с этого места. Так велел Сморг – найти ее и помочь.

Людвиг Ланге изумился:

– То, что ты меня вытащил из какой-то речки, не значит, что я дряхлый старик. Ты выдохнешься раньше, чем я даже вспотею.

– Господин Ланге, меня не интересует, когда вы вспотеете, – сказал Бьорн, открывая сумку с Древним льдом. – Я просто хочу знать, какой у нас лимит времени, прежде чем...

Шорох в лесу, мгновенный, словно след ветра – но это не ветер. Облетает листва, срезанная невидимым лезвием.

– Что это? – Бьорн с трудом поднял голову, придавленный тяжелой рукой Людвиг.

– Алмазная нить. Слышишь звон?

Бьорн прислушался. Вдалеке чирикали какие-то зяблики, шелестела листва над головой и... где-то над ними, очень тонко, плыл едва различимый звук.

– Слышу. Только не знаю, где он. Это кто?

– Темники, – Людвиг подобрался, подтянул колени и вогнал молот в землю, подняв облако пыли. – Ловчие машины Дикой Гильдии, очевидно.

– Это еще зачем... Апхчи!

– Затрудняет обзор противнику. К дубу! – Бьорн не успел прочихаться, как Людвиг мощным толчком отправил его к дереву.

Юноша расстегнул сумку.

Древний лед расцвел в руке фиолетовым цветком, мир потерял все цвета, кроме оттенков синего, красного и серого, окружающее преобразилось, словно разом совместились несколько отражений разных граней зеркала. Одна грань высвечивала то, что видели прежде, человеческие глаза Бьорна, – поляну, Людвиг, стену леса, облако пыли, белое тело дуба за спиной. Грань вторая отобразила пламя жизни всех живых существ вокруг, и Бьорн наконец разглядел нападавших.

Четыре прозрачные фигуры – четырехрукие, уродливые легкими карандашными штрихами набросан их холодный механический облик в обычном мире – пройдешь мимо и не заметишь, но в каждой ворочается пламя искаженной жизни. Не просто механизмы – плод естественной алхимической связи живого и неживого. Ловчие машины Дикой Гильдии.

Древний лед разворачивал веер отражений, Бьорн сбивался со счета и их смысла уже не понимал. Что значат тонкие нити сотен оттенков серого, вьющиеся над каждым из живых существ, отчего белый дуб за его спиной пылает как солнце, и отчего Дженни, спящая в корнях, окружена тысячами своих призрачных отражений?

Смор неохотно учил Древнему льду.

«Хочу, чтобы ты остался человеком, – говорил он. – Каждый зверь должен быть своей породы. Я и так слишком много тебе дал».

Сейчас бы это знание пригодилось.

Ловчая с тихим стрекотом втянула алмазную нить в брюхо. Существа быстрыми прыжками окружали Стража.

– Я таких еще не встречал, – сказал Ланге с удивлением. – Их почти не видно. Какой прогресс...

– Потрясающе, – согласился Бьорн. – Возьмем у них интервью?

Людвиг хмыкнул:

– Охраняй Дженни. Я договорюсь о беседе.

Один Страж Магуса против четырех тварей?

Бьорн подумал и решил предоставить дело профессионалу. До сих пор он не использовал Древний лед в настоящем бою. Людвиг пошел навстречу *ловчим*, опустив молот.

Нить выплеснулась из брюха ближайшей твари, покатила прозрачной волной... и Бьорн не понял, что случилось. Она неизбежно должна была перерубить Стража надвое, но лишь распорол воздух, состригла траву под корень там, где только стоял Ланге. А он сместился на несколько метров вперед. Потом еще и еще. Нити раздраженно выли, пронизывали пространство, а Страж скачками продвигался вперед, как конь на шахматном поле, все ближе и ближе, пока не подобрался к трем *ловчим* совсем близко.

Они застрекотали, обретая зримый облик, нависли над ним, ударили разом! Нити расчертили воздух, замкнули Стража в ловушку, но внутри смертельного треугольника его уже не было, и нити рванулись дальше, распарывая на молекулы броню хозяев.

Две машины осели, остановились и медленно стали рассыпаться на куски. Нити жужжали, рывками тягивались в нутро, но не могли освободиться из останков.

Людвиг обогнул нить последней *ловчей*, с размаху вогнал молот в область, где предполагалась голова создания.

Оттолкнул тушу. Та упала на землю. Потом, взрывая землю руками. Ланге обернулся, ища глазами Бьорна...

– Сзади!

Холод ожег спину, страшное предчувствие швырнуло Бьорна на землю, нить прошла над головой.

Юноша вскочил. С ушей осыпались волосы, макушку приятно холодило.

Последняя *ловчая* скакнула к нему. Она сумела подобраться к цели, она нашла образ, который запечатлел в памяти хозяина, она послала сигнал.

Нить выплеснулась, потянулась к живому теплу человека, вставшего на пути.

Древний лед запылал в ладони, и Бьорну наконец стало жарко.

Стоп-кадр.

Мир замер, как тигр, пойманный фотографом в момент прыжка. Мир был прекрасен, он сверкал синим и фиолетовым.

Бьорн протянул руку – ладонь сверкала фиолетовой тьмой, стукнул ногтем по алмазной нити, застывшей напротив лица, и та тягуче рассыпалась на тысячи блесков. Подошел к *ловчей* – он едва дотягивал до груди чудовища, – приложил ладонь к выпуклой бронеовой пластине, и та пошла изморозью, все шире и шире, пока не заковала всю машину в тончайшую блестящую пленку.

Затем опустил Древний лед в сумку и разжал пальцы.

Конец стоп-кадра.

Мир прыгнул.

... *Ловчая* вздрогнула, потянулась к нему четырьмя руками, увенчанными прозрачными шипами, и рассыпалась горой сверкающих осколков.

Людвиг оказался рядом прежде, чем Бьорн успел моргнуть.

– Как ты это сделал? – хором спросили они друг друга.

– Это *легкий шаг*, – сказал Людвиг. – Обычно его используют для перемещения на большие расстояния, когда нет транспорта. Но во время битвы он очень полезен, надо только приловчиться использовать это умение. Не у всех получается.

– Ага. А мне повезло, – коротко сказал Бьорн.

– Ну да, бывает, – кивнул Людвиг.

Лес вздрогнул, птицы заметались над кронами. Где-то далеко падали деревья, что-то большое двигалось к поляне, проламывало дорогу напрямик. Что-то очень большое.

– *Ловчие* не приходят одни, – сказал Страж. – Вот и хозяин.

– Будем ждать здесь?

Людвиг покачал головой:

– Они явились за Дженни. Нельзя подпускать их так близко. Надо увести отсюда как можно дальше.

– Смысл? Если они знают, что Дженни здесь...

– Пойдем глянем, – Людвиг приобнял его за плечи, бережно, но крепко, Бьорна замутило – лес рванулся навстречу, стволы слились в размазанное пятно – и вот они уже под сенью старых грабов, среди жилистых, будто высушенных стволов в пепельных подпалинах.

Юноша окунулся в ближайшие кусты, где его немедленно стошнило.

– Предупреждать надо!

– Времени нет. – Железная рука Стража вытянула его наружу. – Придется потерпеть.

– Какая мерзость этот ваш *легкий шаааа...*

Шаг.

Лес снова прыгнул в глаза, они пронеслись по зеленой трубе, и их вышвырнуло на берегу ручья. Бьорн со стоном рухнул на влажную холодную землю, припал губами к воде. Ручей тихо журчал, катал камешки, мимо несло хвою и прошлогодний лист. На одном из дубовых листьев застыл муравей, недоуменно поводя усиками. Хорошо ему: несет река, прохладно, а что там впереди...

Пальцы Людвига схватили за ворот.

– Опять! – взвыл Бьорн и попытался лягнуть Стража. – Я и так добеее...

Шаг.

– ... не могу! – юноша упал на мох. – Оставь меня, я догоню...

Людвиг поднял ладонь, призывая к тишине.

Деревья падали совсем близко, ломались как спички, птицы заполошно металась и орали на весь лес.

Огромный конский каштан, не обхватить и втроем, вздрогнул, затрепетал всем телом, от корней до листочков, ударила вспышка, и он тяжело повалился на землю. Бьорн увидел создание, похожее на человека – если человек бывает под три метра ростом и с черной металлической кожей. Существо было вооружено чем-то очень большим и острым.

Рядом продвигались его сородичи, прорубая просеку в вековечном лесу.

Существо склонилось. Легко отбросило ствол в сторону.

– Что это?! – не понял Бьорн.

– Боевой голем, – пояснил Людвиг. – Опасная штуковина.

– Да нет, я про это! – завопил Бьорн, тыча пальцем за спину големов.

– Понятия не имею, – честно сказал Страж, глядя на двухэтажный бронированный автопоезд, медленно продвигавшийся по просеке вслед за големами. Почти невидимое

пламя танцевало вокруг него. Обломки деревьев, ветви, сучья, трава, пни – все превращалось в пепел и летело по ветру. Идеально ровная просека, выжженная до обугленной земли, тянулась проспектом за ним.

– Похоже, за Дженни явилась гигантская газовая горелка.

Бьорн покосился на Стража:

– Тебе смешно?

– И так шансов мало, а без шутки совсем тоскливо, – пожал плечами Людвиг. – Это хозяин *ловчих*.

На темно-серых бронеовых пластинах автопоезда багровой краской был нарисован стилизованный дракон, кусающий собственный хвост.

– Знак Уробороса, символ алхимического преобразования, – сказал Людвиг. – Кто-то из подручных Фреймуса.

– Успокой! Что делать?!

– Он мог бы спокойно прожечь путь без големов, – задумчиво сказал Людвиг. – Значит, бережет силы.

– Людвиг, они совсем близко, – напомнил Бьорн. – Надо забирать Дженни и уходить.

– Ее нельзя трогать. Это сон Видящей. Она не зря лежит именно здесь. Значит, так надо.

– Но ты же не предлагаешь... – Бьорн посмотрел на чудовищную машину. – Нет, это же совсем...

– Если взвешивать риски, то этот вариант гораздо безопасней.

– Напасть на ЭТО безопасней, чем просто забрать Дженни?!

– Нам надо как-то попасть внутрь, – задумчиво сказал Людвиг.

– Это плохой план, – сказал Бьорн. – Неэффективный. Нас, скорее всего, убьют. Эти големы – ходячие танки. Давай рискнем, вытащим Дженни и дернем отсюда!

– Ее нельзя трогать, – повторил Страж. – И как ты собираешься пешком удрать от этой адской колесницы? Они доберутся до поляны через час. Далеко мы не уйдем.

– Ну, можно использовать твой *легкий шаг*, – неуверенно предложил Бьорн, и его тут же замутило.

– Двоих я не утащу.

– Но должен же быть какой-то выход!

– Ага, – кивнул Людвиг, вращая молот кистью руки. Разминался, значит. – Ты слева, я справа.

– В Магусах все такие ненормальные?!

Бьорн впервые почувствовал нечто похожее на раздражение. Страж упорно лез на рожон, не слушая никаких разумных доводов. Абсолютное безумие – идти в атаку на ЭТО вдвоем. Нет, надо отступить и унести Дженни, пока не поздно. Если Людвиг намерен здесь погибнуть – это его выбор. Пусть он хотя бы поможет выиграть время.

Людвиг посмотрел на него с грустью – тем более неожиданной, если учесть, что в пятидесяти метрах от них рушился и сгорал лес под колесами чудовищного бронированного автопоезда.

– Там, в Каэр Сиди, я кое-что понял. Когда увидел, что совершил Марко. Он одолел Господина Дикой Охоты, он сместил бога. Тогда я понял, что нет пределов у человека, который действительно решил идти до конца. Мы живем только сейчас. Каждый твой вдох может быть последним, каждый твой шаг определяет твое будущее. Чего мне бояться, если я уже был за гранью смерти и видел пляску Дикой Охоты?

Бьорн морщился от треска падающих деревьев. Противный звук. И эти крики – почему их не слышит Людвиг? Плач и стон гибнущего леса, он почти оглушает... Изнутри накатывала темнота – та самая, из которой Сморг его спас. Злоба и гнев. И еще страх. Бьорн с изумлением осознал, что он боится. Значит, он еще человек?

Страж встал.

– Уходи, – велел он, отворачиваясь. – У тебя будет достаточно времени.

Качнулись ветки. Страж исчез. Бьорн высунул голову из-за дерева и увидел, как он возник возле голема. Коротким неуловимым ударом сломал ему колено и вновь исчез, прежде чем голем успел повернуться к противнику. Снова появился, рядом с другим великаном – тот успел парировать его выпад одним из клинков, ударил вторым, но Людвиг мгновенно сместился и отшвырнул голема на землю.

Автопоезд остановился, Бьорн успел заметить, как на крыше поднимается щиток, а после раздался стрекот – нестрашный, похоже на работу отбойного молотка или перфоратора: отец у него на стройке работал, так что Бьорн наслушался... Лес дрогнул, Бьорн живо упал на живот, а сверху полетели ветки, щепы, кора, свинцовый дождь нещадно полосовал лес, разрывая на куски все живое, что попадется на его пути. Он перевернулся на спину. На него падала огромная ветвь.

Юноша откатился в сторону. Сумка с Древним льдом была по боку, мешала ползти, и Бьорн злился все больше.

Какого черта он тут делает?! Смор послал его на верную смерть.

И... он и правда боится. Он может бояться – значит, может испытывать и остальные человеческие чувства. Бьорн никак не мог оправиться от этого открытия.

Людвиг возник рядом. Упал на землю.

– Видел, как шарашит?! – Глаза у него были сосредоточенные, на лице бродила легкая улыбка.

«Точно ненормальный», – подумал Бьорн.

– Миллиметров сорок, не меньше, – прокричал Страж. – Похоже на эрликоновскую самострелку!

Лицо у Людвига вдруг сделалось озабоченным, как будто он вспомнил о скучном, но необходимом деле, которое надо сделать. Он сгреб Бьорна за шиворот – и мир опять сместился.

Они отступили – вокруг был лес, нетронутый, тихий. Вдалеке ударили взрывы, слились в непрерывный грохот.

– Решили зачистить гранатами, – пояснил Людвиг, хотя Бьорн его не спрашивал. Он морщился и сосал ладонь.

– С тобой все хорошо? – обеспокоился Ланге.

– Нет! – рявкнул Бьорн. – Занозу посадил. И меня чуть не пристрелили!

Людвиг присел:

– Парень, мне нужна твоя помощь. Сам видишь, с наскока их не взять. Через час они будут у Дженни.

Бьорн запрокинул голову, посмотрел на шумящее небо, полное зелени и тени.

Людвиг нахмурился:

– Ты как?

– А что?

– Ты улыбаешься. Ты никогда не улыбался.

Бьорн заерзал, отлепился от ладони и, нервно хихикнув, заявил:

– Слушай, это подлая манипуляция. Ты пользуешься тем, что я еще ребенок и не в состоянии адекватно оценить опасность происходящего. А ты безответственно втягиваешь меня в смертельную авантюру, пользуясь авторитетом взрослого. Нас, короче, скорее всего, убьют, и ничего мы не добьемся. Вот.

– Кто ребенок – ты? – ошарашенно спросил Людвиг.

– Ну не ты же!

Они поглядели друг на друга.

Бьорн никак не мог успокоиться. Это же надо – понять, что ты еще жив, что где-то внутри все еще живет старый добрый Бьорн Эгиль, на пороге смерти. Это очень смешно.

Он выдохнул, согнал нелепую улыбку с лица, но внутри все еще искрилось, взрывалось. Что же, теперь жить гораздо интереснее, да, Бьорн? Лед Смора никуда не ушел, вот он, остужает твоё сердце, и ты по-прежнему уверен, что лучше отступить, чем сражаться. Но теперь ты ощущаешь остроту и опасность жизни, её скоротечность. Это чувство заставляет голову работать совсем иначе.

– Шансов у нас нет, что вдвоем, что поодиночке, – сказал юноша. – Но есть вариант. Самоубийственный, разумеется, как у вас в Магусе принято, но все-таки шанс. Тебе нужно сдаться.

Ланге удивился, потер подбородок:

– Хорошая идея. Так я попаду внутрь.

– Ну да, если тебя не убьют.

– Мне нравится твой оптимизм, – Людвиг перехватил молот. – Идем.

– Мне туда ни к чему. Я лучше с Дженни побуду.

– Ты мне годишься, если они не захотят брать пленных.

– Давай выкинем белый флаг, – предложил Бьорн. – Иногда срабатывает.

– Идет, – согласился Людвиг. – Ты будешь знаменосцем.

– И не уговаривай, – Бьорн поднялся, отряхнулся. – Провожу тебя до передовой – и назад.

«Что я делаю? – задумался он. – Надо бежать со всех ног, а я прусь навстречу смерти».

Однажды ты уже умер, напомнила ему чернота, однажды ты был моим.

Бьорн сжал зубы. Он думал, что все кончилось, когда Сморг изгнал демония. Оказалось, что нет. Его след, позорная печать все еще внутри него. Только и ждет, когда проснуться, хочет, чтобы он дал слабинку...

Юноша коснулся Древнего льда.

Будь как он – ясным и чистым.

Глава шестая

Туата! Из туманов и молний, из облаков и ветра, из огня и морской пены – они были новым словом новорожденного мира, они были его желанием быть, а не вечно изменяться. Дети Утра.

Тогда поднялись из вод острова Эмайн Эблах, Авалон и впервые зазвенели на его земле серебристые яблони. Под ними первой проснулась Дану, а следом и ее племя. К звенящей листве протягивали руки туата и вкушали медовую сладость яблок Авалона. В огне, дыме и хаосе лежали еще все прочие земли, а дети Дану – Дагда, Диан Кехт и Нуада – уже бродили по тенистым лесам Авалона, дивясь свету звезд, юного солнца и новорожденной луны. Чертил на песке знаки Огам, и летели искры от горна Гоибниу. Танцевал в небесах всадник с сияющим лицом, Гвин ап Нудд, и вместе с ним ликовала его светлая дружина, не зная о судьбе, уготованной им.

Утвердился на пенных гребнях «всадник вздымающихся волн моря» Мананнан Мак Лир, которого еще никто не называл Стариком моря, потому что он был юн. Летели синеперыми воронками три сестры над полями и пустошами Авалона, смеялись Маха, Бадб и Морриган, и улыбалась Дану играм своих детей.

Они были прекрасны в своей юности, они хотели хранить и создавать и потому неизбежно столкнулись с фоморами.

Долгие века длилась схватка бессмертных, но был повержен Балор и изгнаны фоморы в черную пустоту Древнего льда, бывшую прежде всего.

В руках туата мир расцвел диковинным садом, где находилось место всякому плоду и зверю. Поднялись к небесам леса, жизнь наполнила каждый уголок этого мира. Века, эпохи пролетали легкокрылыми бабочками – туата их не считали, они возделывали сад земной.

И жизнь переполнила мир.

Огромные леса накрывали целые континенты, под сенью деревьев можно было прожить всю жизнь, так и не увидев солнца. Звери, птицы, насекомые, грибы, растения – живое сплеталось в единый пульсирующий клубок, и огонь жизни перетекал из одного существа в другое, нисходя вниз, до мириад крохотных существ, наполняющих почву, и вновь восходя вверх по великой лестнице жизни, от растений к животным.

Глядел ли ты тогда на этот мир, Унгор, радовался ли своему решению?

Джейн очнулась.

Опять эти сны. Закрывает глаза всего на миг – и сразу эти видения. Такие реальные, словно она сама там была, с этим огромным драконом, сама сражалась с... фоморами. Это слово что-то значило для нее, она знала его прежде.

Может, она раньше писала фэнтези, и на этой почве у нее поехала крыша?

– Твоя хозяйка сошла с ума, да? – Девушка потрепала зверя. Тоби посмотрел на нее холодным разумным взглядом – да, сошла, причем давно.

Мотыльки в голове затрепетали.

Джейн вздрогнула.

– Мне все время кажется, что ты умеешь разговаривать, – пожаловалась она. – Этого же не может быть, да?

Зверь закрыл глаза и бессильно уронил морду на лапы.

– Ладно, дружок, надо искать людей. Куда они все подевались, хотела бы я знать.

К исходу второго дня она выбралась из леса на шоссе. Проторчала на одном месте часа полтора, не дождалась, плюнула и пошла на восток. Туда, куда падали дымные звезды.

К вечеру она добрела до небольшого городка. Джейн бродила по улицам, стучалась в двери, но ни единой души не было. Даже кошек и собак. Городок вымер.

Темнело. Джейн, потеряв надежду найти кого-то, сидела на площади, на бортике умолкнувшего фонтана. Уронив руки на колени, она не хотела ни о чем думать, но мысли упорно крутились по кругу, как заевший диск, – что случилось, где люди, где она?

Где-то во Франции, судя по непонятным названиям на вывесках и обрывкам газет. Вот одна крутится по площади, лепится к ногам...

Девушка подняла газету и вздрогнула.

Ни слова не понять, но фотография завода, над которым поднимался гриб атомного взрыва, говорила сама за себя. Что-то очень плохое происходило здесь.

Она скомкала газету, отбросила, и ветер немедленно подхватил комок, завертел, играя, как котенок.

Хотелось пить, хотелось спать, хотелось домой.

Где ее дом? Где ее родители?!

Она зачерпнула воды из фонтана, поднесла к губам – и заорала от боли, когда Тоби вцепился когтями ей в ногу:

– Ты с ума сошел?!

Зверь басовито заурчал, будто извиняясь, запрыгнул на бортик. Дженни заглянула в его янтарные глаза и поежилась – этот зверь смотрел слишком осмысленно. Он обмакнул лапу в воду фонтана и брезгливо отряхнул.

– Вода? Ее нельзя пить?!

Дженни вспомнила газетную фотографию и подскочила, судорожно вытирая руку о штанину.

Так вот почему здесь нет людей! Она в зоне радиоактивного заражения!

Вода, земля, сам воздух здесь могут быть отравлены!

А она пила в лесу из ручьев, спала на земле...

Джейн похолодела. Теперь она умрет?!

Ну нет, обожгла яростная мысль, не для того она провалилась под корнями дуба и выбралась из могилы, чтобы умирать так глупо. Она сама поразилась, какая решимость в ней вдруг проснулась.

– Я не собираюсь умирать! – заявила она подступающей ночи, ветру, серпу нарастающей луны, прорезавшемуся в темных небесах. – Не дождетесь, вы...

Мысль она не завершила, потому что увидела на другой стороне площади магазинчик.

Витрина с надписями крупными буквами и восклицательными знаками, ценники в евро, увядшие цветы в горшочках – такие милые и аккуратные, плетеные стульчики и столы под полосатым навесом. Весь этот городок был ухожен и украшен, как игрушечный, сказочный город кукол, и было еще страшней от этой оставленной красоты. Люди покидали город в спешке, но не забывали закрыть дома и полить цветы напоследок.

Она подергала двери. Да, жаль, что они не забыли запереть замки.

– Какого черта! – пожала плечами Джейн. – Я в критической ситуации, верно, Тоби?

Зверь молчал: ждал, что она будет делать дальше.

– Ну и молчи, – пробурчала девушка. Взяла стул, взвесила в руке – прочный, тяжелый. И с размаху запустила в стеклянную дверь.

Звон стекла разлетелся по всему городу, но Джейн только бы обрадовалась, если бы кто-то схватил ее с криками «Держи вора!». Она подождала немного, потом заорала во все горло:

– Эй! Я тут магазин граблю! Никто не хочет меня остановить?

Подождала еще немного.

Тишина. Ночь сгустилась окончательно, и лунный свет заблестел в окнах. Джейн поехала и вошла в магазин – в его темной утробе казалось безопасней, чем на пустой площади.

Где тут включается электричество, она не поняла, зато обнаружила, что стойка с газетами может быть очень жесткой, если в нее врезаться в темноте коленом. Хорошо, хоть она зацепилась рукой за прилавок.

Прилавок! Там наверняка должны продаваться какие-нибудь зажигалки или свечи. Кремень и кресало. Плошка с овечьим жиром и фитилем.

«Что за бред лезет в голову! – подумала Джейн. – Эх, если бы я видела в темноте, как Тоби!»

Что случилось потом, она не поняла. Светлее не стало, темнота не исчезла, но будто раздвинулась. Она вдруг поняла, что способна отчетливо различать все предметы, вплоть до самых маленьких. Она могла даже разбирать слова на этикетках – вот, например, бутылка воды «Эвиан» на фирменной полочке: «Живи молодым», – гласит рекламный слоган.

Джейн успела выхлестать половину бутылки, прежде чем поняла, что неожиданно научилась читать по-французски.

Вода пошла не в то горло, девушка закашлялась...

«Спокойно! Я наверняка умела читать, только забыла. А теперь вспомнила. Значит, память возвращается!» Ободренная этой мыслью, она пошла по магазину, сгребая в рюкзак всякую всячину. Бутилированная вода – в нее точно не могли попасть радиоактивные осадки, запакованные продукты: печенье, крекеры, шоколадные батончики, чипсы, копченые колбаски. А потом добралась до косметики.

Кремы! Зубная паста! Тоники!

– Шампунь, старые боги, шампунь! – завопила Джейн, прижала находку к груди. – Как я по тебе скучала в лесу, о плод цивилизации! Теперь-то заживем!

Пользуясь внезапно обострившимся зрением, Джейн собирала все, что может пригодиться в долгом путешествии к людям и к самой себе прежней – то, что дорога будет длительной, она чувствовала. Свечи, зажигалки, фонарик, батарейки, нож... а лучше пара ножей... нет, три-четыре – главное, чтобы они легко ложились в ладонь и хорошо летели.

Она остановилась. Еще одна мысль из прошлого?

Недолго думая, Джейн взяла нож и, почти не целясь, метнула в стену. Рука в последний момент дернулась, и нож полетел низко, но вошел в дерево плотно, прямо над головой выскочившего Тоби.

– Ой, – только и сказала девушка в ответ на возмущенное ворчание. – Прости...

«Что я еще умею? – подумала она, утрамбовывая продукты и припасы в рюкзак. – Ходить по канату? Дышать под водой? Я точно псих, нормального человека в лесу хоронить не будут. А может, у меня приступы спонтанного сна? Тогда надо было оставаться на том же месте, чтобы тот парень меня нашел».

Сердце опять екнуло, шум в голове усилился, мотыльки, сотни мотыльков бились в своды черепа как в стены пещеры, просили выпустить...

– Надо идти, – Джейн с трудом забросила рюкзак на плечи. – Здесь должна быть гостиница. На случай, если и там двери закрыты, у меня как раз есть симпатичный ломик – видишь, Тоби?

Она покрутила его в руке и сама удивилась, как лихо у нее это вышло. Случайно, наверное.

Гостиница нашлась. И ломик пригодился. Она вошла с заднего входа, перемахнула через невысокий каменный забор, прошла по дивному саду. Цветы будто мерцали в лунном

свете, и Джейн остановилась посреди дорожки, вдыхая их запах. Фиалки, лаванда, ирисы, розы – запахи плыли тонкими волнами, и ей чудилось, что она даже различает их в воздухе.

Роса блестела на листьях. Джейн вдруг подумала, что все вокруг может быть отравлено невидимым ядом, пронизано радиацией, и она торопливо вошла в гостиницу. Поднялась на второй этаж по скрипучей лестнице и рухнула на застеленную постель. Как же она устала!

– Как же... хорошо... – пробормотала она, уплывая в темноту. Последнее, что она услышала – как зверь запрыгнул на кровать и устроился в ногах. Одну лапу он закинул на нее, и Джейн хотела возмутиться – лапища у зверюги была довольно увесистая. Но сил уже не было.

Глава седьмая

В целом Альберт Фреймус был доволен. Дела во Внешних землях продвигались неплохо. Миньоны успешно справились с задачей – мир был погружен в хаос и быстро сползал к Третьей мировой. Впрочем, глобальный конфликт в его цели не входил, поэтому adeptам Темной Ложи, перешедшей почти полностью под его контроль, приходилось теперь даже тормозить порывы военных кругов разных стран, чтобы бравые вояки раньше времени не разнесли планету. Нет, этот мир нужен ему относительно целым, пусть пока человеческие армии сдерживают гражданские беспорядки, ловят неуловимых террористов и устраняют последствия терактов и стихийных бедствий, которые были инспирированы миньонами. Чтобы немного отвлечь Китай, Франческе и Корнелиусу пришлось создать небольшое цунами, которое ударило по прибрежным районам Поднебесной. Японии и Малайзии тоже досталось – но что поделать. Из-за этой мелочи они промедлили с визитом в Австралию. Это не слишком хорошо: поиски следов радужного змея – одна из важных задач. Этот миф не давал колдуну покоя, он лучше других знал, что в основе любого мифа лежит некое древнее событие.

Время Сновидений, основа мифологии австралийских аборигенов, – осколок очень древнего знания, о котором даже Магусы почти забыли. А Фреймус не упустил из виду тот факт, что главой службы Сновидцев является старейшина Сивирри, выходец из австралийского Магуса. И служба Сновидцев больше чем на две трети составлена из австралийских аборигенов. Разумеется, это не случайность. Ни одна из служб Магуса не любит открывать свои тайны, но Сновидцы почти так же закрыты, как и Лекари.

Одно Фреймус знал точно – они способны читать вероятности лучше любого Властного и способны прозревать значимые события в будущем почти со стопроцентной вероятностью. Тот, кто владеет будущим, – владеет миром. А у него до сих пор нет ни одного Сновидца, туата не смогли их заставить врасплох – что неудивительно. Альберт знал, где их искать – на острове Ловцов. Сейчас там толчется пол-Авалона, все «запятнанные», как выражался пламенноволосяный народ Луга, бежали под теплое крыло Юки Мацуда. Под тень ее девяти хвостов.

«Позже, – подумал колдун, – проблему СВЛ я решу позже. Сейчас ситуация патовая – я не могу уничтожить СВЛ без чрезмерной траты сил. Мацуда не в состоянии выбить нас с Янтарного острова, не жертвуя своими людьми, которых она слишком ценит. Партия не доиграна, каждый из нас надеется получить перевес. Откуда я получу свои козыри, я понимаю. Но интересно, на что надеется она? На помощь Внешних Магусов?»

Фреймус усмехнулся. Он отдал приказ Темной Ложе усилить нажим на Магусы. Дикая Гильдия получила необходимое документальное прикрытие и карт-бланш на террор. За циркачами нынче ведется охота, кровавые псы войны снова вышли в поле – все как в старые добрые времена.

Бедняга Талос. Как он боялся повторения Темных войн, старый дурак. Но история никогда не повторяется в точности, на этот раз Магусы будут вырезаны подчистую. В новом мире не будет места для таких, как они.

Он покрутил старинный глобус на подставке. Удивительная точность для шестнадцатого века, все очертания континентов переданы с мельчайшими подробностями. Более того, на глобусе отражалось и текущее положение Авалона, с точностью плюс-минус сотня морских миль. Сейчас архипелаг болтался где-то в районе мыса Горн.

Колдун щелкнул по глобусу, тот завертелся быстрее. Забавная игрушка, не более – к чему она, если он и так на Авалоне?

Фреймусу сильно не хватало его рабочего кабинета, сенсорных экранов, голографических панелей, сервера, который связывает элементы рабочего интерфейса в единую сеть, подчиняющуюся слову и жесту. На Авалоне электроника работала плохо, сбоили корабельные системы, у *кукол* отказывали контуры обратной связи. Неудобное место, надо будет здесь все переделать.

Кажется, этот зал принадлежал главе Службы Короля, спящего под горой.

«Во всяком случае, здесь много книг», – удовлетворенно заметил Альберт, глядя на стеллажи, уходящие под резной дубовый потолок. – Только мебель на редкость неудобная. Все такое маленькое».

Он попытался откинуться в кресле и едва не упал. Поднялся, раздраженно щелкнул пальцами и с мрачным удовольствием наблюдал, как догорает каркас кресла и распадается хлопьями пепла старинная потрескавшаяся кожа обивки.

Погасил жестом пламя, прошелся по кабинету. Удивительно, но этот маленький акт вандализма его успокоил. Даже доставил удовольствие. Разрушать, оказывается, приятно. Смотреть, как все пылает, как течет и возвращается в первичную форму, плазму, составленную из разреженной материи, из которой ты можешь лепить все, что пожелаешь. Лепить, а после разрушать, лепить и...

Фреймус остановился, потер виски. Нет, это не его мысли, это соблазн камня, о, как он обольщает, нашептывает, ежесекундно, и едва ты расслабишься, дашь себе отдых, как уже не принадлежишь себе. Как Зорич...

Альберт помрачнел. Состояние Андрея его сильно беспокоило. Он поместил его в стазисную камеру, саркофаг, в котором перевозили клон, но она долго не выдержит воздействия философского камня. Надо перемонтировать все криогенное оборудование, установить на саркофаг в качестве дополнительной защиты.

Андрей не контролирует себя, он слишком далеко зашел, *пламя изменений* захватило его полностью. В последний раз Альберт едва его узнал: в том существе, каким стремительно становился Зорич, почти не осталось ничего человеческого, кроме общих форм тела.

«Как выглядели фоморы? – подумал колдун. – Во всех легендах говорится, что они были безобразны и различны обликом. Значит ли это, что они не имели постоянного вида, а меняли его, как меняет облик пламя – каждый миг оно иное, но остается самим собой? О, Гвин ап Нудд, какой же дар ты мне вручил! Спокойно, дыхание и самоконтроль – все, что нужно...»

Он сжал и опустил виски, опустил руки.

Да, он целиком и полностью контролирует свое тело и мысли, пламя камня в его власти. Но надо спешить, дети не так сильны, они не устоят перед искушением. Что ж, именно для этого он и отправил Улле и Хуаниту в Танжер. Там, в корнях Атласских гор, где окопался старый Абу Наджиб, есть единственное месторождение атласита – минерала, способного удерживать и принимать пламя философского камня. С его помощью дети создадут приемники, которые удержат все *первопламя*. Нужно лишь разместить их в точно указанных точках планеты согласно плану.

Если следовать планам, все получается.

Альберт язвительно улыбнулся.

Абу Наджиб, наверное, вне себя от злости. Когда-то он выставил его из своей химероварни, не желая делиться секретами. Это хорошая месть. К тому же людям хромого Наджиба пришлось выйти на поверхность, и теперь они увлеченно устанавливают железный порядок нового халифата на побережье Франции и Италии и держат в страхе все Средиземное море. Пусть резвятся, ему это только на руку. Чем больше хаоса, тем лучше.

В дверь постучали.

– Да, Мэй.

Альберт прекрасно знал, что это она, но никогда не стоит пренебрегать правилами. Хорошо, что Мэй это тоже понимает.

– Все готово, мастер.

– Тогда начинаем! – Альберт вышел из кабинета. Пора узнать, где точно находится мисс Далфин. Все готово, все фигуры расставлены по своим местам, публика в нетерпении, и все ждут только ее – звезду предстоящего представления.

Клон стоял посреди комнаты, опустив руки. Фреймус обошел ее. Генетически точная копия Дженни Далфин, сходство более девяносто девяти процентов. Идея использовать кровь Дженни Далфин была удачной.

Он заглянул в глаза – пустые, без тени мысли или чувства, провел по волнистым волосам, почти белым на авалонском солнце.

– Ты так похожа, – сказал колдун. – Но ты не она.

– Она вас не понимает, мастер, – заметила Мэй. – У нее полностью отсутствует высшая нервная деятельность, функционируют только спинной мозг, гипоталамус и мозжечок. Фактически языковые команды перехватывает управляющий процессор, который отдает команды мышцам.

Фреймус взглянул на серебристую нить, выходящую из виска девушки и уходящую за ухо.

– Я сам спроектировал эту систему, – заметил он. – Зачем ты рассказываешь?

– Простите, мастер.

– Странное чувство, что она нас слышит. Что какой-то частью это все же Дженни Далфин.

– Ну, генетически... – рискнула Мэй, но колдун ее оборвал:

– Приступаем. Все готово?

Миньон подала на подносе скальпель.

Фреймус взял руку клона – мягкую, хрупкую, просвечивающую на солнце.

– Будет немного больно, – предупредил он и провел по ладони. Густая темная кровь закапала на серебряный поднос, колдун сжимал и разжимал ладонь, выдавливая кровь, пока та не залила весь поднос ровным слоем.

Клон безучастно смотрел вперед.

– Можно было использовать шприц, – сказала Мэй.

– Нельзя. – Колдун небрежно отдал скальпель и осторожно, не наклоняя поднос, поставил в центр стола. – Это Темное искусство, нельзя нарушать ритуал. Закон подобия, Мэй, – один из основных законов нашего искусства. Подобное притягивается к подобному, здесь достаточно крови, чтобы создать артефакт, который укажет точное местонахождение мисс Далфин.

Кровь капала из рассеченной руки на дубовый пол. Фреймус поморщился:

– Убери ее. И перевяжи руку.

Мэй ловко обернула руку платком и велела:

– За мной.

– Мэй, – задумчиво спросил Фреймус, склоняясь над подносом, как над темно-багровым зеркалом. – Что бы ты хотела сделать с мисс Далфин после того, как она исполнит свое предназначение?

Мэй Вонг пожала плечами:

– А разве это имеет значение?

– Но все же?

– В вашем новом мире нет места для Магуса, – сказала Вонг.

– Это верно, – кивнул колдун. Он взял восковой мелок твердыми пальцами и принялся расчерчивать сложную геометрическую фигуру вокруг подноса. – Гастроли этого цирка и так слишком затянулись.

Глава восьмая

Она проснулась оттого, что кто-то сосредоточенно кусал ее ногу. Не больно, но довольно ощутимо.

– Совсем спятил?! – возмутилась Джейн, отпихивая зверя. – Если голодный, иди поймай кого-нибудь!

Зверь еще раз куснул ее, и девушка проснулась окончательно. Шум мотора за окнами! Люди!

Она подскочила, бросилась к окну. На площади стоял фургон с погашенными фарами, возле него два человека.

Джейн потянулась распахнуть окно, крикнуть, что она здесь, спасите ее, но за штанину резко дернули. Глаза зверя светились желтым загадочно и пугающе, они звали, Джейн поневоле подчинилась. Пошла от окна прочь – не взяв рюкзак, не включая фонарик. Странное ночное зрение не оставляло ее, она легко находила путь в крошечной темноте, следуя за зверем по лестнице.

Удивительно, но ни одна ступень не скрипнула под ногами.

В прихожей она растерянно оглянулась на Тоби:

– Мне надо к ним. Это же люди, понимаешь, люди!

Зверь повел головой словно человек, отказывая, и девушка осеклась. Что это за существо, какой породы, какой природы? Он слишком умный для животного.

Она села на корточки, заглянула в глаза, в сверкающие, как дорожные отражатели, колодцы зрачков:

– Я ничего не помню, понимаешь? Они могут мне помочь, могут отвезти в больницу, в полицию... не знаю куда. Они могут...

С улицы донесся звон битого стекла. Джейн подскочила к окну, отвела занавеску.

Они били витрины кафе и лавок бейсбольными битами, били со смехом, а луна заливала своим молоком площадь.

Ее зрение и слух усилились, она отчетливо различала узор на рубашках мародеров, ее слепил блеск лунного света на осколках стекла и оглушал хруст стекла под подошвами их кроссовок.

– Анри, здесь пусто, – сказал один высокий парень в худи. – Похоже, перед эвакуацией хозяева успели снять кассу.

– Опять голяк, – сплюнул на мостовую второй – Анри, невысокий темнокожий парень. – Ладно, Пьер, проверь гостиницу, и сворачиваемся. Можем на военный патруль нарваться или еще хуже – на *темных*.

– Откуда здесь вояки? – удивился Пьер. – Фронт возле Марселя, они все с марокканцами бьются. А *темным* здесь делать нечего.

– Ты что, про бойню на озере не слышал? – удивился Анри. – Говорят, там *темные* вырезали целый цирковой фестиваль. Вместе со зрителями. Не знаю, чем им клоуны не угодили, но никого в живых они не оставили. Здешний лес до сих пор кишит разными тварями.

Он сплюнул.

– В общем, не хрен тут рассиживаться, вот я к чему. Пулей в отель, а я пока погружу барахло из лавки.

– Там уже кто-то побывал, – заметил Пьер.

– А ты думал, мы одни такие умники? – оскалил белые зубы Анри, их полоска сверкнула ярко, отчетливо. Джейн припала виском к оконному косяку, ее била дрожь, слова Анри крутились и грохотали внутри. Бойня на озере, *темные*, цирк, цирк – она видела цирки, да, в ее жизни их было много, шатры и флаги, купол и прожекторы, публика и аплодисменты. И

еще лица и голоса, знакомые и неизвестные, целая жизнь бушевала в ней, не находя выхода, замкнутая, сокрытая, и у нее не было ключей.

Пьер, направился к гостинице, Джейн попятилась. Надо было бежать, прятаться, но она не могла, сердце колотилось, она пыталась взломать собственные воспоминания, пыталась пробиться в прошлое, но ничего не получалось. Зверь заметался, потянул ее за штанину, но девушка лишь отступила к стене, скрылась в тени.

Ее била крупная дрожь, ей было холодно и жарко. Дверь распахнулась от удара, зверь припал к ногам, сжался в комок напряженных мышц, Джейн почувствовала, что он прыгнет, едва Пьер зайдет. Опустилась на колени, обняла его слабой рукой.

– Тихо, – прошептала она. – Меня здесь нет.

И закрыла глаза.

Темноту прорезал луч фонаря, Пьер деловито вошел, оглядел холл, расчертил световым клинком, от стены к стене.

Сквозь закрытые веки она почувствовала, как фонарный луч осветил ее, сжалась еще больше, под пальцами заворочался зверь... Пьер озадаченно хмыкнул и ушел. Она слышала, как он гремел и стучал где-то в темноте – что-то взламывал, вероятно. Потом он прошел мимо и опять ее не заметил, хотя должен был.

Мотор зарычал. Машина уехала.

Джейн открыла глаза.

Что это было? Почему он ее не заметил? Почему она к ним не пошла? Ну и что, что грабители, они могли бы ее вывезти отсюда. Отдала бы им этот перстень с руки, все равно он ей не идет, слишком большой и вычурный.

«Плохая идея, – подумала девушка. – Вряд ли они были бы так добры, что подвезли бы меня до ближайшего полицейского».

Она поднялась, не чувствуя ног, пошла наверх. Джейн надеялась, что больше гостей не будет.

В номере она легла на кровать, свернулась калачиком, обняла зверя. Мыслей не было, было чувство огромной тоски и еще страх – накатывал, липкими волнами, продирали до мурашек. Что-то очень плохое происходило в этом незнакомом мире.

И еще эти мотыльки, как же они шуршат в голове!

Она погладила перстень, лунный свет пробивался сквозь занавеси, мерцал в синем камне.

– Кто я такая? – прошептала Джейн. – Откуда я?

Все замыкалось в кольце жизни, колесо мира вращалось, но не двигалось с места. Первые берегли сад, который ты им поручил, пестовали в нем каждую травинку. Все было так, как ты хотел.

Ты уже не спускался к своим детям, уже давно не говорил с ними, дремал, обернувшись вокруг земного шара, так долго, что даже память бессмертных устала тебя помнить. Лишь увидев радугу – след твоего дыхания, туата вспоминали своего Первопредка. Тело твое простирается из прошлого в будущее, Великий Змей, ты течешь от начала времен, ты присутствуешь в каждом мгновении этого мира. Мысль твоя и воля блуждают, не скованные границами времени, потому что ты и есть время. Все прочие, даже бессмертные туата, лишь скользят вдоль твоей сверкающей чешуи, плывут, как листья по глади озера. Но внутри себя, Унгор, ты волен обратиться к любому мигу существования этого мира.

Но миг, когда пришли люди, дети Полудня, ты не запомнил.

Кто призвал в этот мир людей, кто вдохнул в них жизнь – однажды, под высоким небом, среди шумящих трав?

Ты был в начале, Унгор, Великий Змей, Первопредок, – но кто был до времени? Кто повелел тебе течь и сказал свету сиять?

Если не ты, кто же призвал их?

Люди явились, и первые сперва не отличали их, быстроживущих, от прочих созданий. Новые звери постоянно сменяли друг друга, мелькали калейдоскопом в их янтарных глазах, видевших отсвет вечности. Род приходит, и род уходит, а дело тутата – хранить мир, один на всех, общий дом.

Но люди были иными. Они начались как легкий дождь, который превращается в бурю, как ручей, оборачивающийся потоком. Они были чем-то новым.

Тутата взывали к тебе, не зная, как поступить. Ты заповедал им беречь всех существ, не вмешиваясь в естественный ход вещей. Но чаша весов клонилась в сторону людей, они не просто жили, они меняли мир – так же, как сгинувшие фоморы. А тутата не умеют меняться.

Ты спал, Унгор, тебе снился Имир, ставший голубой жемчужиной, которая сброшена в черный бархат ночи, ты спал, и во сне тебе чудилось, что ты наконец начал понимать, чего он хотел...

Ты слышал голос. Тихий голос, который просил тебя о чем-то.

Ты открыл глаза, Унгор, и впервые за долгие века взглянул на мир. И ужаснулся.

Мир снова пылал. Пламя войны пожирало его.

Сон был недолгим и, как водится, очень странным. Почему ей не снится ничего обычного? Только какие-то загадочные мифологические образы.

Когда Джейн открыла глаза, за окнами стоял серый воздух. На горизонте розовела полоска восхода.

Воды не было, так же как и света, так что она устроила душ из минеральной воды.

– Полезно для кожи, – бурчала Джейн, намыливая голову. – Питает волосы, насыщает их минералами. Чего ж так холодно-то, а?

В дверь просунулась коричневая голова, зверь вопросительно заурчал.

– Не подглядывай!

Она шлепнула полотенцем по морде, Тоби скрылся.

Потом с силой ударил по двери, открыл нараспашку.

– А ты, блин, не сдаешься, да? – Джейн протерла глаза от пены. – Упорный. Сейчас ты попляшешь, зверюга.

Она сполоснула волосы, намотала полотенце на голову, вооружилась еще одним и ринулась наказывать домашнего питомца.

– Вот ведь завела себе тварь, – сквозь зубы бормотала девушка, пытаясь зажать зверя в углу. – Чем я думала, интересно? Нет, чтобы пекинеса какого-нибудь воспитывать!

Зверь не давался, вытекал из рук, ловить его было так же легко, как воду решетом. Судя по игривому виду, он решил, что хозяйка решила поиграть. Скотина такая. Наконец она зажала его в углу у окна и только вознамерилась как следует повозить мокрым полотенцем по наглой рыжей морде, как зверь зарычал.

Предупреждающе, она никогда не слышала, чтобы он рычал так раньше, – но он не угрожал. Он предупреждал.

Джейн подняла глаза, взглянула в окно.

В робком свете нарождающегося дня она увидела нечто. Прозрачное, почти невидимое существо, будто из хрусталя, ростом выше любого человека, четырехрукое.

Существо стояло неподвижно, но Джейн чувствовала, что оно оглядывается. Изучает.

Оно склонилось к земле, там, где ночью остановилась машина, потом выпрямилось. И исчезло.

– *Темные*, – прошептала Джейн. – Хуже армии только *темные*.

Зверь высвободился, подскочил к кровати, тронул лапой рюкзак.

– Это верно, надо сматываться, – согласилась девушка. – Волосы только мокрые.

Тоби от возмущения даже присел.

– Ладно-ладно, – замахала руками девушка. – Я все поняла. Делаем ноги.

Она покинула гостиницу так же, как и вошла – через заднюю дверь. Осторожно выглянула за стену. Загадочной твари не было. Никого не было. Город-призрак. Садик утром был еще прекрасней, чем ночью, и Джейн стало до боли жалко растения, которые были обречены без заботы и человеческого ухода.

– Они хотят пить, – она провела рукой по розам, и бутоны будто качнулись навстречу ее ладони. – Знаешь, мерещится, что я их слышу.

Тоби нетерпеливо переминался у стены.

– Я сейчас, – заявила она, схватив садовую лейку у стены. – Тут прудик есть, я ночью чуть в него не влетела. Там была вода. Да не бойся ты, никого нет. Кому я нужна, сам подумай, ненормальная из могилы.

Зверь вытянулся на земле, уронил голову на лапы.

– Я быстро! – пообещала Джейн и кинулась поливать растения.

Быстро не получилось, когда она закончила, солнце уже поднялось над крышами. Ощутимо припекало.

– Ну вот, – Джейн вернула лейку на место, гордо оглядела сад. – Все, можно отправляться.

Почему ей взбрело в голову заняться поливкой брошенного сада, когда рядом бродит чудовище? Она не знала, но чувствовала, что должна это сделать.

– Все-все, ухожу, – сказала она Тоби.

Она выкатила велосипед из-под навеса в саду – все равно он не нужен хозяевам.

С трудом впихнула зверя в корзинку для продуктов и покатила по пустому шоссе.

Глава девятая

Пусто в Медном дворце. Не торопятся слуги по высоким коридорам, исполняя волю владыки Талоса, не звенит медь стимфалид в небесах, не ворочаются шестеренки сложного дворцового механизма. Все покинули свои посты, все оставили Медный дворец.

Впрочем, в тронном зале...

Он сидел на резном троне Талоса и держал на коленях узкий белый меч.

Туата Аодх, правая рука владыки Луга Искусного, заточенного ныне в печати Магуса, сидит на троне своего прежнего повелителя – Судьи Талоса.

Рядом стоит еще один туата, опирается на копье, глаза смертного не в силах различить их лиц, все они, как близнецы для людей, пламенноволосяные и белокожие.

– Почему ты здесь, Аодх? – спросил туата с копьем. – Это место нашего позора, нашего рабства.

– Именно поэтому, Кадеэрн, – сказал Аодх. – Я здесь, чтобы не забывать.

– Туата ничего не могут забыть, это удел смертных.

– Да! – глаза Аодха вспыхнули. – Я помню битву при Тальтиу, как если бы она была вчера. Гнев и ярость до сих пор не оставляют меня, старый друг.

– Гнев – плохой советчик.

– Зато хороший враг, – Аодх опустил глаза, провел узкой ладонью по клинку. – Он постоянно напоминает мне, кто мы и что должны сделать. Сражаясь с собственным гневом, я нахожу свой путь. Понимаешь ли ты меня, Кадеэрн?

– Не понимаю, – покачал головой туата. – Может быть, ты слишком долго был рядом со смертными?

– Может быть, – пробормотал Аодх. Он поднял клинок, повернул его лезвием, и меч превратился в тончайшую полоску тумана.

– Этот меч отковал владыка Гоибниу в дни битв с фоморами. Он старше меня. Не много их уцелело донныне. Один принадлежал брату моему Глау, который принес жертву столь же великую, сколь и бессмысленную.

– Глау поступил так, как считал должным, – заметил Кадеэрн. – Он предполагал, что план Талоса сработает.

– Но он не сработал! – Аодх вогнал меч в ножны. – Глупо полагаться на планы глупца. Талос жил и умер, как полагается смертному – бездарно и нелепо. А я потерял брата. Где он теперь, где его имя, где его дыхание? Оно вернулось в мир, не найти теперь Глау, не увидеть его глаза, не услышать его смех. Есть ли у тебя те, о ком ты будешь печалиться всегда, Кадеэрн?

– Мы живем вечность. Они есть у каждого.

– Довольно горькую вечность, друг мой, – Аодх улыбнулся – прозрачно, печально. – Но дни нашего позора миновали. Мы вернем себе этот мир.

– Если колдун ничего не заподозрит.

– О, разумеется, он нас подозревает! Иначе бы он не был тем, кем является. Из всех людей этот род самый мерзостный, даже люди Магуса не внушают мне такое отвращение, как темники. Когда Видящая войдет в Золотой зал и откроет Врата, все решится. В один миг, как это любят смертные. Кто-то из нас предаст другого первым. И это должны быть мы. Ты нашел то, что я просил?

Кадеэрн кивнул, доставая ларец светлого дерева.

– Было непросто отыскать это в архивах Магуса. Теперь мы можем слышать повелителей, заточенных в печатях.

– А они? – Аодх подался вперед, лицо его – прекрасное и бесстрастное – исказилось мукой нетерпения: – Они могут нас услышать?

– Да, Аодх. Я смог различить голос Повелительницы битв, заточенной в Синей печати. Она где-то во Внешних землях. Она в руках Видящей, и та очнулась от своего сна, но еще не пробудилась по-настоящему.

– Это лучшая новость с тех пор, как погиб Судья Талос, – сказал Аодх. – Что ж, мы будем ждать. Это мы умеем. Видящая сама придет на Авалон рано или поздно, и когда она появится, мы будем готовы.

– А *первопламя*? Колдун взял очень многое из дара Гвина ап Нудда, он силен.

Аодх выдвинул меч на ширину пальца, взглянул на туманное лезвие.

– Этот меч был создан, чтобы поражать фоморов. Тех, настоящих фоморов, сынов Балора Одноглазого. Неужели ты думаешь, что он не справится со смертным, обманом завладевшим их огнем?

– Значит, ждем.

– Ждем, друг мой, – Аодх принял ларец и положил его под левую ладонь. – Времени у нас предостаточно.

* * *

Ах, как струился шелк в Зале Совета Башни Дождя: как вода – синий, как пламя – красный, как лес шумящий – зеленый, как метель – белый. Разноцветен был сегодня Зал Совета, будто праздник был у главы Службы Вольных Ловцов, а не траур по погибшим.

Многие собрались сегодня здесь, заслуженные члены СВЛ – и Алиса Мак Фи, одна из Дев Авалона, и Степан Верлиока, по обыкновению привалившийся к стене и тихонько посапывающий в ожидании начала. Через его большое лицо, от левого глаза до уголка рта, протянулся свежий багровый шрам – Верлиока остановил в тоннелях Пыльных холмов атаку боевых големов Альберта Фреймуса и едва уцелел. Глава медико-биологического отдела СВЛ Самаэль Штольц вполголоса беседовал с Антонио Торресом, который морщился при каждом резком движении – давала знать рана, полученная при атаке на темника. Из его четверки, пытавшейся захватить колдуна, уцелел только он. Были здесь и приглашенные Старейшины всех Служб Магуса: Сновидцы во главе с коренастым, в голубых одеждах, загорелым дочерна мастером Сивирри, чья кучерявая голова сверкала ярче белоснежного шелка, глава Лоцманов Навсикайя, похожая в темно-синих одеяниях на ожившую волну, с лицом усталым и безучастным – она глубоко переживала ошибку, приведшую ее на сторону Судьи Талоса. На высокой подушке, скрестив ноги, восседал мастер Теодорус – предводитель Людей Короля в церемониальной фиолетовой мантии. В руке его была зажата небольшая книжечка, где он время от времени делал пометки. Поговаривали, что Теодорус готовит очередное издание своих знаменитых на весь Авалон записок, исправленное и изрядно дополненное с учетом всех недавних событий. Но будет ли кто-нибудь, кто сможет прочесть эти записи в будущем, – вот вопрос, который волновал всех собравшихся.

Был Эвклид Сатырос, не снимавший ныне доспехов, был и архивариус Мимир Младший – его усадили на террасе, чтобы не упирался макушкой в потолок. Нашлось место и фейри, бежавшим от гнева туата Луга, и дриадам, и цвергам, и народу моря, и темным альвам.

Всем им пришлось несладко, всем грозил карающий меч Аодха – за то, что были слишком любезны с людьми, за то, что помогали и поддерживали Магус, даже за то, что держали нейтралитет. Нерадостен был волшебный народ, ничего хорошего не сулило ему возвращение владык туата – слишком долго те пробыли в плену печатей Фейри, наедине со своей

яростью, болью и гневом, слишком хорошо знали *первые* притчи о заточенных духах, которых по неведению освобождали смертные.

Не было Германики Бодден, правой руки Юки Мацуда, – говорят, она до сих пор не оправилась после бойни на озере Герледан и не выходила из своих покоев. Все время проводила с мальчишкой, которого вытащила из того адского пекла, в которое темники превратили Собор Магусов.

А иные говорили, что Германика Бодден вовсе не так слаба, как думают, и если и отсутствует, то по серьезной причине. Ходят слухи, что почтовые вороны видели, как поздним вечером она покидала покои госпожи Мацуда в боевом облачении, и, возможно, она выполняет некую личную миссию директора СВЛ – как выполняла их прежде.

Впрочем, языки на то и языки, чтобы болтать. Пусть мелют словесную муку и веют ее на радость всем ветрам Авалона.

Не было и Марко Франчелли, изгнанника и в прошлом главного баламута СВЛ, но о его судьбе опасались говорить и самые длинные языки. Далеко ушел старик Франчелли, не догнать его никаким слухам.

Не пришел и стажер Тадеуш Вуйчик – не по чину ему столь высокое собрание, да и сил у него еще маловато – при смерти доставили его на Авалон и дриады едва смогли уберечь искру его жизни.

И, разумеется, не было ни одного желтого одеяния Лекарей: здесь никто не хотел видеть предателей – тех, кто пытался убить Видящую.

У выхода на террасу, поближе к прохладному бризу, расположились члены Магуса Англии – Билл Морриган ворочался, пытаясь усесться в позу лотоса, потом плюнул и вытянул ноги, с наслаждением разминая колени. Эдвард шептался с Эвелиной и Дьюлой Вадашем, а ее хранитель Джей Клеменс безмолвной тенью сидел позади и нет-нет да притягивал любопытные взоры: большая редкость нынче хранитель, мало кто решается разделить жизнь с другим человеком.

Зеленый чай и сладости на крохотных подносах скрашивали томительное ожидание.

Юки Мацуда сидела в центре собрания, вела тихую беседу и кивком приветствовала опоздавших. Конечно же, взгляды то и дело падали на нее – на черные волосы, блестящие, как смола на солнце, на фиалковые глаза – бездонные, на юное белоснежное лицо удивительной красоты, но главное – на девять белоснежных хвостов, веером рассыпавшихся по подушкам за спиной. Хвосты жили своей жизнью – изгибались, бились по татами в такт дробному жемчужному смеху хозяйки, нервно подергивались, если беседа была им не по нраву.

Глава СВЛ – кичунэ, дух лукавый и древний, дух могущественный, по силам сравнимый с владыками туата, закованными в печати Фейри. Мыслимое ли дело?

А она сидит смеется, и глаза ее смотрят открыто и смело. Ей больше нечего скрывать – она *первая*, отстояла остров Ловцов, уберегла Службу и Башню Дождя.

Единственный, кто маялся на этом высоком собрании, – Роджер Брэдли. Он уже смел с подноса все сладости, выхлестал чайник целиком и косился на поднос Эдварда и Эвелины, однако Эд, рассуждая о вкусовых оттенках улуна, подаваемых в Башне Дождя, одной рукой аккуратно, но твердо придерживал поднос.

Ловец крикнул, крохотная пиала покатила по подносу. Голос его заставил пошевелиться почтовых воронов, которые дремали на стропилах:

– Госпожа директор, можно узнать, почему мы, черт побери, до сих пор торчим здесь?!

Эвелина закатила глаза, Эдвард довольно ухмыльнулся. Билл Морриган только вздохнул и налил себе еще чаю. Вам-то в диковинку, а я с этим обормотом не первый год. Эх, да что говорить...

Собрание притихло. Юки с улыбкой посмотрела на Ловца, тот кашлянул.

– Прошу, в общем, прощения, я...

– Мой собрат по Магусу со свойственной ему прямоотой озвучил вопрос, который терзает многих, – пришел на помощь Эдвард. – Почему мы здесь, а не во Внешних землях? Там, где Видящая?

Юки с шелковым шелестом поднялась:

– Я жила очень долго, люди Договора, и видела многое. А поняла главное – никогда не стоит торопить события. Все в мире следует дао, все развивается так, как должно. Мы не должны мешать Видящей обрести свою судьбу и сделать выбор. Мы можем лишь принять его.

Не таких слов ждали от главы СВЛ, самой сильной службы Магуса. После исчезновения Спящего Короля и гибели Талоса к кому еще могли прийти члены Магуса – растерянные и запутавшиеся? Кто, кроме Юки Мацуда, обладал такими знаниями и опытом, чтобы возглавить Великий Совет? Даже девять хвостов уже никого не смущали. Вторжение темника так напугало людей Договора, что они были готовы поставить над собой кого угодно, лишь бы он избавил их от такой напасти. И вдруг Юки заявляет, что ничего не будет делать!

– Значит ли это, госпожа моя, что мы будем просто ждать? – осторожно уточнил Эвклид Сатырос.

Юки улыбнулась:

– Да.

– Это же бред! – грохнул Роджер. – Простите, госпожа директор. Но сидеть здесь, за стенами Башни Дождя, пока Дженни там одна, во Внешних землях, где сейчас черт знает что происходит! Какое, мантикоре под хвост, дао?! Ее же там убьют и не спросят, как зовут.

– Это вряд ли, – мягко возразила Юки. – Убить эту девочку очень сложно, как вы могли убедиться. Простые люди сказали бы, что ей очень везет. Но это не везение – это воля мироздания. Видящая нужна этому миру, он вновь пришел к точке выбора, как когда-то очень давно. Она должна выбрать.

– Ее путь неизбежно приведет на Авалон, – сказал Теодорус. – Все нити судьбы ведут сюда, здесь они были завязаны, здесь же расплетутся и завяжутся в новый узор. Я согласен с госпожой Мацуда. Как ни тяжело, но мы должны ждать и копить силы. Колдун тоже ее ждет. Все случится здесь.

– Пока Фреймус здесь, его люди рвут Внешние земли на части, – заметил Старейшина Сивирри. – Дорога Снов переполнена криками и болью, на людей Магуса объявлена охота. Началась новая Темная война, и Магус может ее не пережить.

– Если Фреймус добьется своего, никто из нас этого не переживет, – сказала Юки.

Оптимизма собравшимся это не прибавило.

– Мы поставим все на одну карту? – скорбно спросила Навсикайя. – Мы доверимся выбору этой девочки, мы вверим ей судьбу всего мира?

– А чего, собственно, колдун добивается? – спросил Морриган, разминая колено. – Какого черта он ломится в Скрытые земли, что ему надо от кучки забытых *первых*?

Среди собравшихся фейри прокатился недовольный гул, что совершенно не озаботило директора английского Магуса.

– Пламя фоморов сжигает его изнутри, трудно понять его мотивы, – пожала плечами Юки. – Я не знаю, отдает ли он себе отчет в своих действиях или уже сошел с ума. Но допускать его в Скрытые земли нельзя ни в коем случае. Вы плохо понимаете природу этого места, господин Морриган, и в этом нет вашей вины. Я тоже с трудом осознаю, что они такое. Скрытые земли – клубок неосуществленного, зыбкое место метаний и кошмаров, вероятности возникают и распадаются там ежесекундно, там нет ничего постоянного и полностью воплощенного, это тюрьма для таких, как я, питающихся силами этого мира. Там не за что зацепиться разуму, чтобы утвердиться в своем существовании. Но в этом месте скрыта вели-

кая сила, оно хранит все возможности будущего мира. Если Фреймус войдет туда, то сможет перестроить мир по своему желанию, по собственному лекалу. *Первопламени*, которое он выбрал в себя, может хватить даже для этого. Боюсь, что тогда не устоит даже Унгор.

– Унгор? – быстро переспросил Морриган. – Что это такое? Где-то я слышал это название.

– Да хватит уже! – Роджер Брэдли подскочил, обвел собрание злыми глазами. – Пока вы тут... она там! Одна! Без помощи! Без друзей! Ей всего четырнадцать! А вы ведете речи о судьбах мироздания, когда ребенок в опасности!

– Госпожа Мацуда, госпожа Мацуда! – в зал ворвался Август Додекайнт с опрокинутым, смятым лицом. – Там... к вам... к вам...

– Кто именно? – подняла тонкую бровь Юки. – Старые боги? Титаны из Тартара?

– Хуже, – выдохнул секретарь. – Лекари. Посланец от старейшины Аббероэта.

– Вот как? – удивилась Юки. – Что ж, зови его. Послушаем, чего хочет Аббероэт.

– Зачем нам этот предатель?! – возмутилась Навсикая. – Лекари натворили уже достаточно!

– Гоните его!

– Нет, задержите, он ценный заложник!

– Давайте его сперва выслушаем, – тихо предложила Юки, и шум стих.

Человека в торжественных ярко-желтых одеждах, вошедшего в зал, никто не знал. Молодое лицо, спокойный, изучающий взгляд карих глаз. Руки с длинными музыкальными пальцами. Недавно выбритый затылок – по обыкновению Лекарей, знак действительного мастера. И слишком ровное пламя жизни – как у всех Лекарей, как будто их давно ничего не заботит в этой жизни. Впрочем, те, кто мог видеть, видели, что в огне жизни этого человека порой пробегали короткие всполохи.

– Приветствую вас, госпожа Мацуда. Господин мой, мастер Аббероэт, просит о встрече.

– Мы незнакомы, мастер...

– ... мастер Агриппа.

– Вы очень молоды для мастера-Лекаря, – Юки с легким любопытством изучала его.

Лекарь пожал плечами:

– Такова воля моего господина.

– И о чем же хочет говорить старейшина Аббероэт? – прищурилась Юки. – О том, как Лекари помогли привести на Авалон темников? Или о попытках убить Видящую?

Агриппа опустил глаза:

– Мне неведомы мысли мастера, госпожа. Мы предлагаем оставить прошлое в прошлом. Все могут совершить ошибки.

– Оказывается, нас чуть не убили просто по ошибке, – шепнул сестре Эдвард. – Давай оставим это в прошлом, Эви?

Эвелина поджала губы. Она не верила Лекарю. И не только она – все слушали мастера Агриппу с большим скепсисом.

– Если врач ошибается, больной может умереть, – заметила Юки. – Вы не имеете права на ошибку.

Лекарь склонился:

– Примите наши глубочайшие извинения. Служба Лекарей отныне всецело на стороне СВЛ. Мы предлагаем свою помощь в изгнании темников.

– Воевать? Лекари собрались воевать? – фыркнул Морриган. – Вот это новости. Это сложнее, чем похищать несчастных *чудодеев*, чтобы запереть их в Замке Печали.

Агриппа продолжил.

– Также мы предлагаем помощь в защите Видящей. Ей необходимо безопасное место, чтобы принять бремя своего дара. Если мы объединим усилия, то сможем ее уберечь от темников.

Дьюла Вадаш оскалил неровные зубы:

– Смешно, Лекарь. Но я не верю. Когда мечи ваших марионеток рубили нас на части, это было куда достоверней.

– Приношу вам извинения, господин зверодушеч, – терпеливо повторил Агриппа. – Но вы же понимаете, что безопасность Видящей – это самое важное.

– Почему Абберозт передумал? – с интересом спросила Юки. – Почему отказался от мысли убить Видящую?

– Мастер не делится своими замыслами, – признался Агриппа. – Но он понимал, что такой вопрос возникнет. Он просил передать, что кое-что понял о природе Видящей, нечто, что изменило его решение. Он хотел бы поделиться с вами своим открытием.

– Очень интересно, – сказала Юки. – Лекарь, который меняет свои решения. Это что-то новое.

– Госпожа Мацуда? – Агриппа смотрел на нее, понимая, кто здесь принимает окончательные решения.

– Я встречусь с мастером Абберозтом и выслушаю его, – Юки взмахнула огненно-красным веером, белая лисица плясала на нем, поднимая и опуская лапы. – О деталях мы поговорим позже. А сейчас вы можете идти, мастер Агриппа.

Лекарь поклонился и вышел.

– Давайте продолжим, – предложила Юки. – Сначала хозяйственные вопросы. Господин Сатырос, что у нас с продовольственными запасами?

– А где Роджер? – Эдвард тут же затосковал от подсчета вяленых окороков и процентов вылова рыбы.

– Только что был здесь, – Эвелина огляделась. Место Ловца пустовало. – Может быть, попить захотел? Он же весь поднос с рисовыми шариками сожрал.

– Жрать он горазд, – кивнул акробат. – Этого у Роджера не отнять.

– Господин Лекарь!

Агриппа остановился на узкой винтовой лестнице, ведущей к Нижнему причалу. Сквозь прозрачные камни в стенах сочился теплый, смягченный вечными облаками над Башней Дождя свет, разбавляя темноту.

Мужской голос доносился сверху, Агриппа не видел собеседника, но понял, что тот старается говорить тише.

– Я тебе не верю, Лекарь, – продолжил мужчина. – Но что ты сделаешь, если Мацуда не станет помогать Видящей, пока та не окажется на Авалоне?

– Скажу, что это неверное решение, которое вряд ли примет столь мудрая...

– Что ты будешь делать?! – перебил мужчина.

Агриппа едва заметно улыбнулся:

– У Лекарей есть свои лоцманы, способные провести корабль во Внешние земли.

– Хм, а весь флот – небось полторы лодки, да и те дырявые?

– Есть лодки, есть небольшие ялы, есть и крупные суда.

– Если ты внезапно решишь отправиться на морскую прогулку, скажем, завтра с утра, лучше сделать это на грузовой шхуне, – посоветовал голос. – И лучше всего пройти траверсом острова Дриад.

– И кого мы можем встретить в море?

– Кто знает. В море бывает всякое.

Голос смолк. Лекарь постоял еще немного. В лучах золотились пылинки, лестница вниз вилась потоком темноты, пронизанной светом. Агриппа двинулся дальше. Правильно ли он поступает? Мастер Аббероэт просил лишь договориться о встрече с главой СВЛ, однако он сам сказал – теперь вся мера ответственности лежит на тебе, Агриппа. Ты возглавляешь операцию.

– Я должен ее увидеть, – сказал Лекарь. – Должен ее понять, прежде чем...

* * *

Мужчина сидел на обочине и смотрел на свои руки – большие, поросшие седыми волосами, с широкими ладонями и короткими сильными пальцами. С разбитых костяшек капала кровь. Мужчина ее не вытирал. Это чужая кровь.

Два черных пса лежали поодаль, вывалив языки. Мухи вились над ними, садились на остекленевшие желтеющие глаза. Темные лужи стояли в горячей пыли. У псов было вырвано горло. Эти руки вырвали. Совсем недавно.

А что было раньше, он не помнил.

Солнце печет, хочется пить. Мужчина посмотрел на кровь. Нет, он это не пьет. Нужна вода. Вода прозрачная, она не имеет вкуса, но бывает слаще всего.

Пыль мягкая, она прилипает к рукам.

В небе чертит круги ястреб. Много птиц кружит над полями, и ворон много. У них много еды.

На него упала тень.

Мужчина поднял глаза. Старик. Опирается на высокую палку, но стоит легко. Сутулится, но не устал, совсем не устал. Сильный старик, опасный.

Зеленые глаза, некогда зеленая, а теперь выцветшая до серого цвета выгоревшей степи одежда.

Старик протягивал флягу – такую же помятую и древнюю, как он сам:

– Ты хотел пить.

Мужчина протянул тяжелую руку, принял липкими пальцами флягу. Первый глоток втек в него как утренний туман, второй казался кровью родника, третий опрокинул на спину, как удар падающей звезды.

Палка старика уперлась в грудь, зеленые глаза прожигали в сердце дыру, слова старика заворачивались в голове – пустой и гулкой, как цирковой барабан.

– Ты потерялся, Шандор Гайду, ты потерял свой путь и себя. Найди девушку с белыми волосами.

Глава десятая

Машину она нашла часа через четыре.

Обгорелый черный остов еще чадил. Тело, располосованное, истерзанное, лежало на обочине, в нем Джейн опознала вчерашнего Анри. Второй, Пьер, лежал в кювете, ветер трепал капюшон худи, но спускаться она не стала – и так все ясно, достаточно было взглянуть на разорванную ткань на спине. Мертв. Ветер ворошил обгорелые купюры, десятки и сотенные евро, ветру было смешно – разве можно откупиться от смерти, особенно от такой, которая приходит внезапно и сносит ударом когтей дверь машины.

Как это все нелепо. Смерть нелепа и неожиданна, она приходит и сметает все планы человека, как землетрясение рушит карточный домик.

Джейн тронула педали и покатила дальше. Что она могла сделать?

– В плохое время ты проснулась, подруга, – сказала она. – Раньше все было иначе.

А как было раньше? Не вспомнить, носятся в голове обрывки, как бумажки казначейского двора, яркие, с проблеском голограммы, а что на них – не разглядеть. Цирк, она имела отношение к цирку, это точно, слишком много воспоминаний связано с ним. Значит, она могла быть на фестивале в момент нападения этих самых темников. Зачем? Кому может угрожать цирк настолько, чтобы уничтожить его с помощью таких тварей? И откуда они взялись? Таких чудищ быть не может, они же всяким там законам биологии противоречат. Да и уголовным тоже.

Спицы блестят на солнце, ветер бьет в лицо, ветер над ней смеется.

Может, отвечает ветер и подкидывает новую горсть летучих воспоминаний – но они не так радужны, как цирковые, они...

Руль дрогнул, и девушка чуть не улетела с шоссе, ударила пятками по асфальту, запрыгала, гася скорость. Дремавший Тоби тревожно поднял голову, убедился, что все в порядке, и снова задремал.

Но с ней не все было в порядке.

В голове вспыхивали образы один другого страшнее – чудовища, монстры, создания, которых не породит и самая изощренная фантазия Голливуда, и люди, которые были страшнее чудовищ.

Кто эти ребята, уходящие в багровую темноту, из которой нет возврата, – она знала их имена, но забыла. Кто этот мальчик, внутри которого свернулось холодным клубком чудовище? И кто этот человек с худым, костистым лицом, на котором жили одни глаза – беспощадные, расчетливые, полные темного огня? Неужели все это воспаленный бред, продукты распадающегося в безумии ума?

Она оглянулась на дымный хвост, тянущийся по полю.

– Нет, не бред, – сказала Джейн твердо. – У всего происходящего есть причина и есть виновник.

Она застыла.

Имя.

Она вспомнила имя.

Альберт Фреймус.

* * *

Вечером она встала на постой в маленькой деревушке. Гостиницы здесь не было, поэтому Джейн заняла первый же симпатичный домик. Милый, ухоженный, здесь жила ста-

рая бездетная пара, судя по фотографиям на стенах. А еще они держали собаку, что до крайности не понравилось Тоби. Он уперся всеми четырьмя лапами на пороге и всем своим видом показал, что ЗДЕСЬ ночевать он не будет.

– Как хочешь, – пожала плечами Джейн.

Среди вещей, которые она утащила из магазина, оказался небольшой радиоприемник. Винтажный, наверное, его еще в шестидесятых выпустили. Удивительно, что такие вещи еще в продаже, подумала Джейн. Кому в наше время нужен приемник?

Оказывается, ей. Сотовые не работали, она уже проверила. Хорошо, что прихватила с собой и батарейки от приемника.

Джейн щелкнула выключателем и покрутила верньер настройки. Сквозь шум помех пробился голос – слабый, то и дело пропадающий, он перебивался сильными щелчками и треском. Кажется, экстренный выпуск новостей.

– Продолжаются дезактивационные работы на втором энергоблоке атомной станции в Шинноне, вышедшем из строя в результате нападения террористов. Власти предупреждают, что самовольное нахождение в зоне отселения крайне опасно. Стаи одичавших собак... были смертельные случаи...

Она повернула верньер.

... бои с силами султаната Абу Наджиба переместились на окраины Марселя. По словам бригадного генерала Жана Антье, возглавляющего оперативный штаб, противник использует неизвестное оружие, что затрудняет...

Поворот.

... контроль над акваторией Средиземного моря. На данный момент полностью прерваны все грузовые и пассажирские перевозки западнее Сицилии, а захват силами султаната Гибралтарского пролива...

Поворот.

... восстание в фильтрационном лагере мигрантов близ Неаполя пока подавить не удалось. Власти Италии заявляют, что слухи о бунтах в фильтрационных лагерях Абруццо лишены оснований...

Поворот.

... Авиация военной коалиции стран НАТО несет большие потери в Северной Африке...

Поворот. Везде эти сводки.

... Взрыв в парижском метро унес жизни ста десяти пассажиров...

Поворот!

... очевидцы утверждают, что подразделение полиции было уничтожено некими загадочными существами, не похожими на людей...

Поворот!

... поступают сообщения об очагах северного сияния во Франции, Бразилии, Малайзии, Австралии и Конго. Напомним, что также чрезвычайно яркое сияние уже неделю наблюдается в арктических и антарктических районах. По данным метеосводок, пульсации во всех этих областях синхронизированы со вспышками на Южном и Северном полюсах с точностью до секунды, однако объяснений этого феномена ученые пока не предоставили.

Поворот.

– А я думаю, мои дорогие, что мир просто устал нас терпеть, – ворвался в комнату веселый голос. – Конец света? Ха, не смешите меня, это просто конец человечества, не более. Мир прекрасно будет жить и без нас, букашек. Пожалуй, ему даже будет лучше. Человек – величайший хищник на планете, и сейчас люди наконец занялись подходящим для себя делом – пожиранием самих себя. А я поставлю песню, как нельзя лучше подходящую для

этого занятия. Старый добрый арт-рок, «Дети Афродиты», «Четвертый всадник», ха-ха! Для тех, кто еще помнит эту затрепанную книжку со словами человека, который надеялся, что мы можем стать лучше...

Потекла музыка, мелодичное вступление взорвалось ударами барабана, и Джейн выключила приемник. Лучше бы она этого не слышала. Теперь все еще больше запуталось. Мир ведь был совсем другим, она уверена, она почти ничего не помнит, но там точно не было такой войны.

Ее накрыло мгновенной вспышкой, острой болью пробило сердце – дым, взрывы, боль и смерть. В этом мире война не прекращалась ни на минуту, пусть там, где она жила прежде, был мир, но в других местах лилась кровь. Она это чувствовала. Этот пожар тлел всегда, просто сейчас он разгорелся в мировое пламя.

Она потеряла шею, под пальцами шевельнулась цепочка. Кулон. Он был на ней, когда она очнулась. Дрянное серебро или какой-то сплав. Дельфин с синими глазами.

Джейн повертела его в руках. Очень дорогой мужской перстень на пальце и дешевый кулон. Эти вещи что-то значили для нее прежней.

– Кто же я?

В окно тихонько стукнули, она рассеянно открыла ставень шире. Зверюга, похоже, одумалась.

– Что же мне делать, Тоби?

Зверь не отвечал.

Джейн подняла глаза и тигриным прыжком отскочила от окна.

Страшный всклокоченный мужик стоял за окном, смотрел на нее черными безумными глазами.

Губы его шевельнулись:

– Кто... ты?..

Джейн прижалась к стене.

Мужчина оперся на подоконник, схватился грязно-серыми руками за него. Под ногтями у него запеклось черное.

– Кто... я? – пробормотал мужчина и завалился вперед, головой в комнату.

Глава одиннадцатая

Когда высокое собрание отгремело и разошлось и на смену солнцу Авалона выкатилась переспелым яблоком луна – огромная, на половину неба, в Зале Совета состоялся еще один разговор.

– Алиса была очень настойчива, – сказал Теодорус. – И ее идея напасть на Фреймуса сейчас, когда он ослаблен, многим пришлась по душе. Даже мне, если уж говорить начистоту. У нас преимущество – таблички позволят нам проникнуть сквозь любую оборону. Если вооружить отряд артефактами и доспехами Архимеда, то мы сможем нанести Фреймусу серьезный урон.

– Но мы ослаблены еще больше, – возразила Юки. – Главная боевая сила темника – он сам и два его миньона. Нет смысла уничтожать его пехотинцев, если он создаст новых. А с силой камня СВЛ сейчас не совладает. Даже я не устою в бою с тремя фоморами.

– Они не фоморы...

– Пока нет, – вздохнула Юки. – Но все меняется, а они особенно. А из всех видов оружия только мечи туата способны подарить им окончательную смерть.

– Интересно, а Фреймус об этом знает? – заметил Теодорус. Потом поморщился, сгреб в ладонь бородку, которую с недавних пор начал отращивать. И продолжил: – Касательно твоей встречи с Абберозтом...

– Он Старейшина службы Магуса, и он попросил о приватной встрече на нейтральной территории. Я обязана оказать ему уважение.

– Это плохая идея – встречаться с ним наедине. Ты же не веришь, что Лекари передумали? – Теодорус сморщил нос – большой, выразительный и на редкость подвижный, он отражал все перемены в характере владельца. Сейчас нос скептически подергивался. – Мне попадались некоторые их записи из числа закрытых. Они параноики, Юки, они панически боятся Видящей. Это ловушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.